

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
ИМ. Х. С. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

БЕРДАХ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1984

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмедходжаев Э. Т., Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Перевод с каракалпакского
Наума Гребнева

Бердах — выдающийся каракалпакский поэт. В его произведениях широко отражена социальная жизнь родного народа XVIII—XIX вв.

В этот сборник вошли лучшие лирические стихи и поэма «Царь-самодур».

Составитель **Марат Нурмухамедов**
Редактор **Борис Пармузин**
Художник **П. Воронкин**

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1984

БЕРДАХ (1827—1900)

Бердах (полное имя Бердимурат), сын Каргабая, родился в 1827 г. в местечке Ак-кала, на южном побережье Аральского моря, в семье бедного рыбака. Умер в 1900 году и похоронен на кладбище «Каракум-ишан», на территории нынешнего Бозатауского района Каракалпакской АССР.

В многочисленных лирических стихах и поэмах Бердаха широко отражена социальная жизнь каракалпакского народа XVIII—XIX вв. Как поэт-демократ Бердах оценивал события и общественные отношения своего времени с передовых позиций, проводил в произведениях идеи равноправия, гуманизма, патриотизма, беспощадно разоблачал эксплуататоров, выступал в защиту бедных, воспевал смельчаков, восставших против ханов и царей. По своему мировоззрению и общественно-политическим взглядам он далеко опередил современников.

Через все творчество Бердаха проходит тема угнетенного положения народа. В стихотворениях «Не было никогда», «Налог», «В нынешнем году», «Моя жизнь» и многих других он показал тяжелую жизнь трудового человека, безудержный произвол эксплуататорских классов. Но он не оставался беспристрастным страдальцем. В таких стихотворениях, как «Лучше», «Кажется»,

в поэме «Царь-самодур» поэт с жгучей ненавистью бичует эксплуататоров, резко осуждает социальное неравенство, общество, порождающее деспотизм и тиранию богачей. Поэт призывает бороться за счастье народа. Он хотел видеть борцов, готовых отдать жизнь за родину, и верил в успех борьбы («Для народа», «Мне нужны» и др.). В отдельных поэмах на исторические темы («Амангельды», «Ерназар-би») Бердах воспеваает героев, восставших против ханов, и ставит их в пример своему поколению. В таких произведениях, как «Родословная», «Амангельды», «Айдос-би», «Ерназар-би», поэт дает верную оценку многим историческим событиям прошлого, поэтому часто историки обращаются к его трудам.

Поэт хотя и не был сторонником коренной ликвидации религии, но срывал маску со святош, которые с помощью религии обманывали и эксплуатировали народ («Лучше», «Кажется» и др.). Бердах воспевал труд («Лучше»), выступал в защиту женщин («Невестка», «Не задумывайся»), призывал молодежь любить родину и овладевать знаниями («Сыну», «Не будь глупцом»).

Наиболее характерные черты творчества Бердаха — правдивое изображение тяжелой жизни народа, беспощадное разоблачение эксплуататоров, мечта о счастливом будущем. Разнообразие и широта тем, богатство и образность народного языка, совершенство поэтических форм стиха, а главное — глубокое идейное содержание, народность и демократизм, правдивость и гуманизм произведений Бердаха вместе с гражданской смелостью поэта — все это сделало бессмертными его творения.

Значение творческого наследия Бердаха выходит далеко за пределы национальной культуры каракалпакского народа. Идеи справедливости, гуманизма, борьбы против социального неравенства, деспотизма и тирании, провозглашаемые в его произведениях, находят живой отклик в сердцах всех прогрессивных людей.

Разнообразие и широта тем, богатство и образность народного языка, совершенство поэтических форм стиха, а главное — глубокое идейное содержание, народность и демократизм, правдивость и гуманизм произведений Бердаха сделали его творения бессмертными. Такие произведения поэта, как «Царь-самодур», «Для народа», «Лучше», «Налог», «Кажется», «Не было никогда», «Лето придет ли?», являются жемчужинами каракалпакской поэзии.

Поэт-патриот, заботившийся о благе своего народа, он был интернационалистом в современном понимании этого слова. Его враги — хивинский хан и каракалпакский налогосборщик или ишан. Его друзья — угнетенный бедняк, независимо от рода, племени и происхождения. Почитаемые им мыслители и поэты: Аристотель, Платон, Навои, Физули, Фирдоуси, Бедиль, Махтумкули, Кунходжа, Ажинияз.

И когда Бердах скончался, то по свидетельству каракалпакского поэта Отеша, в последний путь его провожали не только каракалпаки, но и узбеки, казахи, татары и русские.

В своих поэтических раздумьях Бердах не раз задавался вопросом: «Кто решит судьбу народа?» («Конец»). Бог? Нет. На это он не надеялся. Иногда в его стихах мелькает мысль о справедливом правителе («Справедливые мужья мне нужны!» — «Мне нужно», «Будет ли справедливый царь?» — «Раушан»).

Но он тут же ее отвергает, ибо «С тех пор как существует мир, не было справедливых царей» («Не было никогда»). «Нет справедливости у беков, царей, ханов» («Кажется»), «Принцы, беки никогда не были справедливыми» («Не было»), «Нет справедливости у ханов и царей» («Царь-самодур»), «Этот мир никогда не был справедливым» («Не было никогда»).

Идеал поэта — народные герои, которые, возглавив

борьбу против угнетателей, отомстят за страдания народа, принесут ему свободу и счастье («Мне нужно», «Я искал», «Для народа», «Амангельды», «Царь-самодур» и др.). В стихотворении «Мне нужно» поэт говорит о том, что нужны «светлый мир», «смелые джигиты», «Люди, думающие о благе народа».

Так в поисках добра и справедливости для угнетенного, задавленного нуждой народа Бердах в своих поэтических произведениях делает большие философские обобщения. Он поднялся выше идеи о «справедливом царе». Но, как сын своего времени, он не видел и не мог видеть (в силу общественно-экономического положения каракалпаков того времени) революционного пути освобождения народа. Он стоял на позиции стихийного протеста против социального неравенства. Бердах был убежден в справедливости борьбы народа за счастье и свободу, верил, что наступят счастливые времена.

Поэт-демократ, певец народного горя, гневный обличитель властимущих, неустанно ищущий счастья для народа, человек большого гражданского мужества, эрудированный, прогрессивный мыслитель, знаток истории, летописец своего времени, большой гуманист и интернационалист, талантливейший художник слова — таким предстает перед нами Бердах, Бердимурат — сын Каргабая — великий поэт каракалпакского народа, чье духовное наследие влилось в сокровищницу многонациональной советской культуры.

М. Нурмухамедов

ДЛЯ НАРОДА

Джигит, рожденный с львиною душой,
Всю жизнь свою ты посвяти народу.
Джигит, рожденный с львиною душой,
За свой народ иди в огонь и воду.

Бердах, да будет звучен голос твой,
Ищи слова, о жизни песню пой.
Будь чист и пред людьми, и пред собой.
Насколько хватит сил, служи народу.

В народе — сила и мечта твоя,
Ты вне его не мысли бытия.
В какие б ты ни заходил края,
Свой труд и жизнь свою отдай народу.

До беков не доходит стон людской.
Им дорог только собственный покой.
Хотя к ним золото течет рекой,
Они копейки не дадут народу.

Хвала тому, кто честен и умен.
Своей стране приносит пользу он.
А кто умом совсем не наделен,
Какую пользу принесет народу?

К хорошим людям в дом любой зайдет,
К плохим и сам шайтан не забредет...
Тебя богатый братом назовет,
Но ты не верь ему: он враг народу.

Достойные народу отдают
Все без остатка — разум свой и труд.
Народ к заветной цели приведут
Те, кто достоин послужить народу.

Не говори о слабости своей,
Ты этим радуешь плохих людей.
Плохих людей не милуй, не жалей:
Плохие люди не нужны народу.

Нам счастье всем неравное дано —
Один расцвел, другой увял давно.
Но тот, кто праведен, тот все равно
Отдаст себя служению народу.

В саду, где счастья вашего гряда,
Пусть не растут полынь и лебеда.
Да будете вы сильными всегда.
И ваша сила служит пусть народу.

Пусть, друг, тебе неведом будет страх.
Трудись, пока есть свет в твоих глазах.
И будет счастлив, будет рад Бердах,
Что, как Бердах, ты отдал все народу.

Пред тем, кто честен, голову склоня,
Бердах, стою я на закате дня.
Бросают палки недруги в меня
За то, что верно я служу народу.

Тот, кто народу предан до конца,
Тот награжден, хоть и не ждал венца:
Его венчает слава мудреца,
Все, чем богат, он отдает народу.

Хоть силен враг, но в силе уязвим.
Его я словом поражу своим...
Мне трудно жить: я беден и гоним.
Мне тяжело, но легче ли народу.

Мне от судьбы не скрыться никуда.
За мной крадутся горе и беда.
Врагом отравлена моя еда,
Но не ропщу. Ведь я служу народу.

Ты истины искал, Бердымурат,
Луч света в темноте искал твой взгляд.
Ты правду говорил. Враги хотят
Отмстить тебе и твоему народу.

Бессильные, я силу в вас вдохну,
Вам, бедняки, я руку протяну...
Свет озарит ли отчую страну?
Я о надежде буду петь народу.

Мы смертны все. И мой придет черед.
Но песнь моя меня переживет,
Я много знаю, я смотрю вперед,
И знания все я отдаю народу.

Бердымурат, на все ищи ответ.
Смотри, какой ты оставляешь след.
Дай людям бедным руку и совет.
Где б ни был ты, полезен будь народу.

Бердымурат, не хмурься, не грусти,
И в край чужой не помышляй идти.
Бердах, врагам не уступай пути,
Всю жизнь, работая, служи народу.

Знай цену дружбе, цену знай словам.
Не причиняй страдания друзьям.
Неси им счастье — будешь счастлив сам.
Друзья тебе, они друзья народу.

Аллах врагам народа силу дал,
Зато людей достойных в грязь втоптал.
По воле бога вор ишаном стал.
Ишаны все приносят вред народу.

Жестоки богачи и бог жесток.
Их произвола я стерпеть не смог.
Пред тем, кто восстает, бессилен бог.
Восставший отдает себя народу.

Терзая нас невежеством своим,
Плохой считает честного плохим.
Все богачи живут трудом чужим.
О, если б правду отыскать народу.

Плохой хулит достойные дела,
Хулит народ и хочет, чтоб хула
Ему почет и славу принесла.
Такой всегда приносит вред народу.

Мудрец вникает в смысл разумных слов
Дурак смакует мудрость дураков.
Он пренебречь советами готов,
Он не прислушивается к народу.

Смотрите, люди, тянется рука
Богатого к лепешке бедняка.
Богач тебя предаст наверняка,
Он враг тебе и твоему народу.

Хороший спутник облегчит твой путь.
Плохой идет и ждет, чтоб где-нибудь
Задеть копьём и в ров тебя столкнуть.
Зачем такие спутники народу?

Друзья, я слова зря не оброну.
Людей я не за внешность их ценю.
Скажите, быть ли солнечному дню?
Ты, солнце, будешь ли светить народу?

Да не оставлю славы я плохой,
Когда закончится мой путь земной.
О жизнь моя, я не прощусь с тобой,
Пока все силы не отдам народу.

У подлого, у богача-отца
Родится сын с душою подлеца.
Мне кажется, плохому нет конца.
От богатеев пользы нет народу.

Душа людей достойных — широка.
Душа достойных — вешняя река.
Чиста у них душа, чиста рука,
И сердце полно их любви к народу.

Само к поэту слово не придет.
Не будет слова, если сердце — лед.
Лишь честный слово нужное найдет,
И это слово путь найдет к народу.

Я был поэтом в мрачные года.
Я только правду говорил всегда.
Я пожелтел, за мной гналась беда.
Я так хотел, чтоб свет светил народу.

Твой собеседник, плох или хорош,
Ты разберешься в этом, коль поймешь,
Что говорит он: правду или ложь.
И я познал, кто друг, кто враг народу.

Бердымурат, я сын родной земли.
Я соловей равнин родной земли...
Цветы моей мечты не расцвели:
Мечтал я счастье отыскать народу.

ЛУЧШЕ

Друзья, пшеница лучше, чем овес.
Рис лучше сорняка, что в нем пророс.
Чем сорок дней невзгод, печали, слез,
Один счастливый день, ей-богу, лучше.

И если в жизни вдруг случится так,
Что склонится и подчинится враг,
Спрячь в ножны меч и разожми кулак —
Чем убивать, простить намного лучше.

Во имя края, где мы рождены,
Мы с вами жить и умереть должны.
Служить для счастья дорогой страны,
Что может быть достойнее и лучше?

Когда твоя состарится жена,
Не говори: «Другая мне нужна».

Пусть поседела женщина, она —
Твой верный друг и всех красавиц лучше.

Не радостно быть другом подлеца.
Не радостно быть гостем у скупца.
Заколота в честь гостей овца
Пасущейся большой отары лучше.

Хороший гость — для дома первый друг.
Без гостя дом, как без травинки луг.
Чем обладатель двух неловких рук,
Пожалуй, уж совсем безрукий лучше.

Весь день мы спину гнем, к нам бог жесток.
Мы обдираем кожу рук и ног.
И все же потом политый кусок,
Ей-богу, дарового меда лучше.

Послушай, ты, святоша Нурмурад,
Ты слово дал, да взял его назад.
Обманщик ты, хоть славен и богат.
Богатого последний нищий лучше.

Батрак шагал по полю твоему,
Ты обманул, не заплатил ему.
Хоть накрутил ты белую чалму,
Хоть ты — святой, последний грешник лучше.

Эй, баи Кулмурад, Кадириббет,
Сапар, Мирза, Арзу и Нурымбет,
Ни в ком из вас стыда и чести нет.
Один бедняк, чем все вы вместе, лучше.

Несчастен я, бедняк Бердымурат,
Жизнь бьет меня, а чем я виноват?

Вокруг темно, я ничему не рад.
Чем жизнь такая, смерть гораздо лучше.

Богач меня всю ночь заставил петь,
А утром на меня же поднял плеть.
Каракалпаки, долго ль нам терпеть?
Чем эта жизнь, тюрьма, ей-богу, лучше.

Трудился я, но прахом все пошло.
Я пел, и это мне не помогло.
Я в этой жизни видел только зло.
Того, что видел я, — погибель лучше.

Бердах, я слеп, не вижу света дня.
Ко мне подходит смерть, косою звеня,
Но все же мой народ любил меня.
Его любовь любой удачи лучше.

НЕ БЫЛО

Лег предо мною нерадостный путь.
Шел я, но силы для этого не было.
Жизни в лицо мне пришлось заглянуть —
Силы, чтоб плакать и сетовать, не было.

Если цветы твои вяли в саду,
Если в пути попадал ты в беду,
Бедные с бедным делили еду.
От богатеев сочувствия не было.

Хоть на муллу, хоть на бая взгляни,
Черной стезею проходят они.
В грязном разврате проходят их дни.
Праведных дел ими сделано не было.

Умный незлобную шутку поймет.
Глупый обидится, в ярость придет.
Беки, чиновники — подлый народ,
Их справедливых пока еще не было.

Старый мулла и умен, и учен,
Но ведь народ не глупее, чем он.
Чтоб уничтожить неправый закон,
В жизни пока мудреца еще не было.

Я не обучен премудрости, нет.
Но у премудрого брал я совет.
Братья мои, я давно уже сед —
Лживого слова мной сказано не было.

Верность и честность людскую не раз
В трудный пришлось мне испытывать час...
Люди — мы все, но похожих средь нас,
Равных средь нас на земле еще не было.

Правды у нас, к сожалению, нет,
У богачей огорчения нет,
У бедняков утешения нет
И никогда утешения не было.

Счастье людское отбилось от рук.
Сколько жестокости, сколько разлук.
Небо, избавь нас от горя и мук.
Нету надежды на это и не было.

Жил я без малого семьдесят лет,
Стал я от горестей болен и сед.
Много я видел печали и бед.
В жизни все было, лишь радости не было.

Нет предо мной ни путей, ни дорог,
Что же, друзья, разве бедность — порок?
Радости в жизни познать я не смог.
Светлого дня на пути моем не было.

НАЛОГ

Наше время — тяжелое время, плохое,
Каждый год тяжелей предыдущего вдвое.
Гол бедняк, но его не оставят в покое...
Десять звонких червонцев — проклятый налог.

Брать налог — аталык приказал Нурымбету,
Как налог нам платить? Ничего у нас нету.
Люди жизнь проклинаят постылую эту.
Десять звонких червонцев — проклятый налог.

Я молчу: у меня не совсем еще старый
Есть осел. Доведу я его до базара.
Но другие-то как? Вот семья Ерназара,
С чем пойдет на базар, чем заплатит налог?

Что продать, если нет ничего за душою,
Если только богатства, что брюхо пустое?
Нет и курицы (курица много ли стоит?),
Как же нищие эти заплатят налог?

В нищей юрте проснувшиеся на рассвете
Просят хлеба и плачут голодные дети.
Сердце жгут безответные жалобы эти.
Душит бедных в железных объятах налог.

Злой Палым улыбается масляным взглядом:
Сборщик ломится в юрту, стоящую рядом...

Если б мог угостить я обоих вас ядом,
По шепотке бы всыпал: «Вот, нате налог».

К вам чиновник придет и не станет вас слушать.
Плачь не плачь, не заплатишь, так вытряхнет душу,
Бедняков, как зверей, он арканит и душит,
Тянет жилы, мерзавец усатый, в налог.

Налетит волостной и помощников стая,
И заплачет вдова, сироту обнимая.
Всех сгибает налог, кроме толстого бая,
Никогда не берется с богатых налог.

Перед жадной свиньей, богачом Кулымбетом,—
Блюда с жирной едой и зимою, и летом.
А крестьянин голодный бредет и раздетый:
Бедняка не оставит в халате налог.

А мечеть? И в мечети служителей много,
Кровь сосущих во имя великого бога.
Им, ишанам, не надо бояться налога,
Потому что введен не для знати налог.

Я рыдал. Я делил с бедняками со всеми
Бремя жизни бедняцкой — жестокое бремя.
И промчались года, пронеслось мое время.
Где ты, жизнь? Не тебя ль взял к уплате налог?

ЛЕТО ПРИДЕТ ЛИ?

Вьюга нас мучила, вьюга слепила,
Ветхую юрту мою повалила,
Черными тучами небо закрыла,
Кто мне ответит: лето придет ли?

Душу и сердце морозами студит.
Кажется, солнца уже и не будет.
Мы — бедняки, унижённые люди,
Молим о лете. Лето придет ли?

Нету похлебки у бедного люда,
Нету подстилок, и взять их откуда?
Ехать мне надо и нету верблюда,
Стар уж терпеть я. Лето придет ли?

В отчем краю я живу, как в остроге,
Жесткой веревкой мне спутали ноги,
Нет предо мной ни пути, ни дороги.
Стихнет ли ветер. Лето придет ли?

Что происходит у нас под луною.
Люди, замерзшие, молят о зное.
Сделалось льдом то, что было водою.
Солнце не светит. Лето придет ли?

В море немало воды горьковатой,
Холодно в юрте моей небогатой,
Что же нам делать зимою проклятой?
Солнце не светит. Лето придет ли?

Мясо мы ели. Теперь у нас — голод.
Нету скотины, сожрал ее холод.
Овцы погибли на пастбищах голых.
Зябко на свете. Лето придет ли?

Родину давят морозы и беды,
Стали озера от холода седы...
Умер сегодня сынок у соседа...
Бедные дети. Лето придет ли?

Чистое золото в медь превратилось.
Холодно, голодно, вьюга взбесилась.
Что же нам делать, скажите на милость?
Кто нас приветит? Лето придет ли?

Дар красноречья сегодня не нужен.
Красноречивый затравлен, недужен,
Эй, богачи, вам не холодно в стужу?
К бедным, ответьте, лето придет ли?

Мне бы укрыться — да нет одеяла,
Мне бы согреться, но топлива мало.
Сытой ни разу семья не бывала,
Голодны дети. Лето придет ли?

Много нам лгали. А истина — где ты?
Много ли в жизни мы видели света?
Сердце устало, мы жаждем ответа:
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Кто я? Старик, сединой убеленный,
Песни мои — не напевы, а стоны,
Вопли братьев моих угнетенных...
Кто их приветит? Лето придет ли?

ТЯЖКОЕ ВРЕМЯ

Если не будешь работать, как вол,
Не проживешь в наше трудное время.
Если ты счастья еще не нашел,
То не найдешь в наше трудное время.

Будешь работать и ночью, и днем,
Слезы прольются обильным дождем...

Друга б найти на пути мне своем,
Легче мне стало бы в скверное время.

Беки житья не дают никому.
Ищешь защиты — сажают в тюрьму.
Скажут виновен — и быть посему.
Сумрак покрыл наше горькое время.

Утки, и те улетели с болот.
Время тяжелое, стонет народ.
Семьи разбиты. Мне жалко сирот.
Сумрак покрыл наше горькое время.

Мрачное время. Тяжелые дни.
Звезды не светят, померкли они.
Лучшие девушки наши в тени.
Вянут сады и цветы в наше время.

Вот я взгляделся в прошедшего даль.
Что я там вижу? Там тоже печаль.
Плети там свищут и лязгает сталь.
Тьмою покрыто и давнее время.

Трудно, Бердах. Тяжко стало тебе.
Руки страданье сковало тебе.
Счастье еще не сияло тебе.
Думам не сбыться твоим в наше время.

Подлым в жестокости нету преград.
Делают с бедными все, что хотят.
Честные люди без хлеба сидят.
Ложь без границ в наше лживое время.

Было нам трудно, но так — никогда.
Мудрый идет и не знает куда.

Красноречивый умолк на года.
Сумрак покрыл наше тяжкое время.

Бедные девушки молча сидят.
Им веселиться теперь не велят.
Петь им нельзя — говорят: «Шариат» —
Сумрак покрыл наше темное время.

Можно ль бояться врагов и невзгод,
Если идет за тобою народ?
Мы умираем, но песня живет.
Петь не дают в наше тяжкое время.

Что ты, Бердах, в этой жизни познал?
Ичигов новых ты не надевал.
Просьбой о хлебе ты песнь начинал.
Хлеба ты не находил в наше время.

От богачей ничего, никогда
Люди не видели, кроме вреда.
Волкам подобны, что травят стада,
Баи тиранят народ в наше время.

Баям пришелся я не ко двору
Только за то, что я людям не вру,
С песней живу я и с песней умру
В наше тяжелое, горькое время.

Кадириббет, ученик дорогой,
Белый был конь твой, а мой вороной.
В поле поэзии трудной тропой,
Встретясь, мы ехали к стремени стремя.

МОИ ГЛАЗА

Больно глазам. Плохо видят они.
Впалые щеки сжигают слезы.
Как мне прожить в эти трудные дни?
Света не видят мои глаза.

Света увидеть мне не суждено.
Слеп я, и все предо мною темно.
Белое, черное — мне все равно...
Света не видят мои глаза.

В бедности прожито семьдесят лет.
Не было счастья и все еще нет.
Скоро ли белый покину я свет?
Света не видят мои глаза.

Не доживу я до светлого дня.
Злая судьба покарала меня.
Беки смеются, слепого кляня.
Света не видят мои глаза.

Жизнью тяжелой я согнут и смят.
Слезы застлали невидящий взгляд.
Знаю, кто в этом во всем виноват...
Света не видят мои глаза.

Медленно я по дороге бреду.
Не попадите в такую беду...
С чем я из этого мира уйду?
Света не видят мои глаза.

Темен наш мир. И у зрячих, друзья,
Жизнь не намного светлей, чем моя!

Слеп ты, как я, если беден, как я!
Света не видят мои глаза!

Тяжко мне, душно мне, проклял я тьму.
Кажется, будто я брошен в тюрьму.
Некому горю помочь моему.
Света не видят мои глаза!

Я УВИЖУ

Эй, сын Самбета, послушай меня,
Чтоб ты ни сделал, подлец, я увижу.
Нрав твой коварнее день ото дня.
Дням твоим скоро ль конец я увижу?

Мне ты однажды уже досадил
Разве я плохо тебе отомстил?
Если позор свой уже ты забыл.
Что же, я снова позор твой увижу.

Подлы поступки твои и дела.
Людам немало приносишь ты зла,
Чистою совесть твоя не была.
Чистою совесть твою не увижу.

Несправедливы деянья судьбы.
К небу в тоске обращал я мольбы...
Если сплотится народ для борьбы,
Смертную муку твою я увижу.

Слушай меня, кровожадный урод.
Имя свое я открою — «Народ»,
Вот он к тебе за расплатой идет.
Сможешь ли ты оправдаться, увижу.

Я понимаю, где правда, где ложь.
Истины в сердце твоём не найдешь.
Ты надо мною смеешься... Ну, что ж,
Будешь ли после смеяться, увижу.

Грусти не видишь моей, хорошо.
Честных не ищешь путей, хорошо.
Не уважаешь людей, хорошо,
Скоро твою я погибель увижу.

Жил я заветами бога-творца.
Он же меня принимал за глупца.
Хоть притеснениям нету конца,
Все же я верю, что счастье увижу.

• МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные — мне нужны.

Гора, чтоб издали дымилась,
Верблюдица, чтобы доилась,
Красавица, чтоб ночью снилась,
Для счастья моего нужны.

Когда зимою то и дело
Мороз пронизывает тело,
Подруга, чтоб меня согрела,
Мне руки теплые нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый,
С подстриженным хвостом и гривой.

**Крепкокопытный и красивый...
Лихие кони мне нужны.**

**Есть у меня еще забота:
Мне соколиная охота,
Мне птицы, ждущие полета,
Лихие соколы нужны.**

**Джигиты, чья рука готова
В бою сразить врага любого,
Держать умеющие слово
Для дела правого нужны.**

**Друзья, борцы, что за свободу
Готовы и в огонь, и в воду,
Сочувствующие народу,
Для дела правого нужны.**

**Кто сеет хлеб и воду ищет,
Кто с бедняками делит пищу,
Кто помогает людям нищим,—
Такие люди мне нужны.**

**Борцы, насупившие брови,
С оружием правым наготове,
Те, что не пожалеют крови
В борьбе за счастье, мне нужны.**

Я ИСКАЛ

**Свет истины среди невзгод
В краю суровом я искал.**

Меня любил родной народ.
Для песни слова я искал.

О, если б только, наконец,
Явился к беднякам мудрец,
Чтоб исцелить печаль сердец.
Везде такого я искал.

В мечеть я не хотел идти —
Другие видел я пути...
Я спутника мечтал найти,
Орла степного я искал.

Мой брат пропал. Тоской объят,
Я шел повсюду наугад.
Учитель мой, мой старший брат,
Тебя, родного, я искал.

Вся жизнь Бердаха тьмы темней,
Я видел мало светлых дней.
Лишь права петь про скорбь людей,
А не иного я искал.

В наш горький век, в наш век невзгод,
Путь к счастью для тебя, народ,
Искал я, падал, шел вперед,
И снова, снова я искал.

Когда едины племена,
Какая сила им страшна?
Джигитов, честность чья видна,
Под бедным кровом я искал.

Найти друзей я был бы рад,
Пески мы превратили б в сад.
Тех, кто огнем любви объят,
На смерть готовых, я искал.

Внемлите все моим словам:
О братья, я желаю вам
Того, о чем мечтаю сам,
Того, что столько дней искал.

О люди, я не хуже вас,
Но свет очей моих погас,
Горька слеза незрячих глаз...
Я счастья много дней искал.

Не верь, о друг мой, чудесам,
Не обращай к небесам.
Ищи свою дорогу сам,
Как я среди степей искал.

Бежал я от священных книг,
Я мудрость Навои постиг,
Я в кладезь Физули проник...
Я в них учителей искал.

Твои стихи, Махтумкули,
Слагать мне песни помогли.
Я все сокровища земли
В поэзии твоей сыскал.

Всю жизнь народу я отдам,
Чтоб отомстить его врагам...
Поехать бы в Ургенч, вот там
Я верных бы друзей сыскал.

Для дела, не жалея сил,
Я песнею врагов клеймил.
Я, чтобы стих больше бил,
Слова в душе своей искал.

Тернист был путь мой и тяжел,
Богатств я в жизни не обрел,
То, что искал, я не нашел,
Я счастья для людей искал.

Обида мне терзала грудь.
Порой, бывало, не вздохнуть.
Но я в кромешном мраке путь
Такой, что всех светлей, искал.

НЕВЕСТКА

Брови черны, а сама ты — бела.
Косы длинные, а сама ты — мала.
Нравом, красою, ну всем ты взяла.
Но почему ж ты печальна, невестка?

Переливаются волны волос,
Черные струйки закрученных кос,
Рот, как наперсток, как ягодка нос,
Ну до чего ж хороша ты, невестка.

В ушке твоём — золотая серьга,
Ровные зубы твои — жемчуга.
Сладки слова твои, словно нуга.
Вот я стою пред тобою, невестка.

Словно луна, ты чиста и светла.
Женщиной или же пери была
Мать, что такую тебя родила?
Ну до чего ж ты красива, невестка.

Ты и мала, и хрупка, и тонка,
В маленьком сердце большая тоска.
Выдали девушку за старика.
В горе, в отчаянье плачет невестка.

Выдали замуж, созвали гостей,
Ты очутилась в кругу богачей.
Весело было на свадьбе твоей,
Только одна ты грустила, невестка.

Люди о счастье твоём говорят,
Муж твой — богатый и деверь богат.
Ты перед ними потупила взгляд.
Грустно тебе, дорогая невестка.

Детство и юность свою загубя,
С мужем постылым живешь, не любя.
Плачешь ты, горе сжигает тебя,
Тщетны былые надежды, невестка.

Рабски обычаям верен седым,
Спрятал отец твой немалый калым.
Дочь свою продал он людям чужим,
Продано девичье счастье, невестка.

Жадные свахи считают барыш.
Бедная женщина, что ж ты молчишь?
Что ты врагам своим не отомстишь?
Сердце зачем ты неволишь, невестка?

Здесь бессердечные люди кругом,
Ночью ты плачешь в подушку тайком.
Голос твой раньше звенел серебром,
Нынче твой голос не слышен, невестка.

В жизни не видишь ты светлого дня,
Муж твой жесток и коварна родня.
Стон твой беззвучный дошел до меня...
Чем же тебе помогу я, невестка?

Горе еще не сожгло твою грудь.
Может быть, есть еще правильный путь.
Слушай меня и печальной не будь.
Счастья тебе я желаю, невестка.

Ты молода еще, жизнь впереди.
Прочь от людей недостойных уйди.
По сердцу доброго друга найди.
Надо на это решиться, невестка.

СЫН МОИ

Стремись походкой твердою идти.
Обидят — за обиду отомсти.
Останешься голодным — не грусти.
Но смелым будь и мужественным, сын мой.

Не будь чванливым, как неумный бай.
Напрасно сил своих не расточай.
И пусть тобой гордится отчий край,
И пусть народ тобой гордится, сын мой.

Трудись. И утром, сон стряхнув едва,
Закатывай повыше рукава.

И хоть услышишь льстивые слова,
В беспечности не пребывай, о сын мой.

Людей цени всегда по их делам,
Не обижай друзей, но мсти врагам.
Подобострастным не внимай словам,
Беги дурного смолоду, о сын мой.

Нет у тебя халата — ничего,
И денег маловато — ничего,
Услышишь смех богатых — ничего.
Знай цену людям и себе, о сын мой.

Умей, мой сын, почувствовать душой,
Где человек хороший, где плохой.
И за достойным светлюю тропой
Безропотно, бесстрашно следуй, сын мой.

Сказал — от слов своих не отступай.
Ничтожным людям тайн не доверяй.
И никогда друзей не обижай,
Но недругов ты не щади, о сын мой.

Богатством завладеешь — не гордись
И роскоши ненужной сторонись.
Сиротам помогая, не скупись.
И честен будь и прямодушен, сын мой.

Для своего народа будь хорош,
А если враг озлобится, ну что ж.
На свете без врагов не проживешь,
Отважным будь и сильным будь, о сын мой.

За то, что не по силам, не берись
И к должностям высоким не стремись,
Неправду говорить остерегись,
Пред тем, как говорить, подумай, сын мой.

Чем с ненадежным, лучше одному
Идти, не одоляясь никому.
Цени своих друзей по их уму,
Друзей неумных избегая, сын мой.

И где б тебя ни встретила весна,
Ты помни — есть родная сторона:
Обширен мир, но родина одна,
И ты не забывай об этом, сын мой.

Всегда, мой сын, отца и мать цени,
Стремись согреть осенние их дни.
Не забывай, что ближе нет родни,
Своей судьбой ты им обязан, сын мой.

Отважен будь, но даже смерть презрев,
Не говори, что ты бесстрашный лев.
Обуздывай в себе неправый гнев,
Но не смиряй гнев справедливый, сын мой.

Утешь своим участием бедняка,
Не пожалей последнего куска,
У бедняка цель жизни далека,
Поддай ему на счастье руку, сын мой.

Наш путь далек, а на пути — овраг,
Его пересечешь — достигнешь благ.
Ты юн еще, отец тебе не враг,
Всегда блюди завет отцовский, сын мой.

ГЛУПЦОМ НЕ БУДЬ

Ты должен, отправляясь в путь,
Взглянуть назад, вперед взглянуть.
Старайся вникнуть в жизни суть,
Во все вникай, глупцом не будь.

Будь сердцем тверд и чист душой,
Надень халат недорогой,
Иди и к помощи чужой
Не привыкай, глупцом не будь.

Раз побывав в чужом краю,
Узнав, что был ты не в раю,
Ты снова родину свою
Не покидай, глупцом не будь.

Пусть даже станешь «онбаши»,
Ты зазнаваться не спеши,
Ты слабых властью не души,
Не притесняй, глупцом не будь.

Был злой Кулым отцом твоим,
Как ты остался невредим?
Отец твой был отцом плохим,
Но ты таким отцом не будь.

Пусть даже твой отец мураб,
Иль пресмыкающийся раб,
Иль трус, разящий тех, кто слаб,
Таким ты подлецом не будь.

Нам, честным, должность не нужна,
Нечестным лишь подстать она.

Возьми кетмень. Придет весна —
Паши, копай, глупцом не будь.

В работе силы не жалея,
Передохни, воды попей...
Достойных от дурных людей
Ты отличай, глупцом не будь.

Мой младший брат. Я стар и сед,
И потому на склоне лет
Тебе хочу я дать совет,
Ему внимай, глупцом не будь.

МОЙ БЫК

Ударю палкою его, беднягу,
Он двинется, я на соху налягу.
Он без меня не сделает ни шагу...
Мне честно служит службу черный бык.

Он всех сильнее — поглядите сами,
Кто может справиться с его рогами?
Они остры, как нож, тверды, как камень.
Посмотришь: очень страшен черный бык.

След от копыт его похож на блюдо.
Среди быков мой бык — не бык, а чудо.
Своею силой славен он повсюду,
Мой красноглазый, круторогий бык.

Моя судьба на радость скуповата.
Моя душа всегда тоской объята.

Но делит все со мной мой друг рогатый —
Мой знаменитый, сильный черный бык.

Я шел, а на пути была преграда,
Судьба влила мне в сердце много яда.
Но верный друг, утеха и отрада,
Всегда со мною ты, мой черный бык.

«Э-эй, вперед!» — и мы идем по зною,
И вспарываем поле бороздою.
Как силен ты, люблюсь я тобою...
Спасибо, мой усердный черный бык.

РАЗЛУКА

Стал стариком я, а был я джигитом,
Вот что такое разлука, разлука.
Сердце изранено, сердце разбито.
Вот что такое разлука, разлука.

Чтобы изведать мучения ада,
Боли другой испытать и не надо.
Полная чаша смертельного яда —
Вот что такое разлука, разлука.

Злобно вершит она черное дело.
Нету страданью конца и предела.
Где вы, друзья мои?.. Все опустело.
Вот что такое разлука, разлука.

Там, за горами — родимые горы,
Там, за степями, — родные озера.

Не суждено нам увидеться скоро.
Вот что такое разлука, разлука.

Нивы зеленые края родного,
Я посвятил вам горячее слово.
Не суждено нам увидеться снова.
Вот что такое разлука, разлука.

В мире беды не бывает больше.
Силен батыр, а разлука сильнее.
Он погибает в сражении с нею.
Вот что такое разлука, разлука.

Если родился ты в доме убогом,
Коль не поладил ты с баем и с богом.
Долго скитаться тебе по дорогам.
Вот что такое разлука, разлука.

Хоть на чужбине родные со мною,
Отчая юрта и племя родное,
Мне не сродниться с чужой стороною.
Вот что такое разлука, разлука.

Пусть разлучат со мной горькую муку.
Песнею встречу я эту разлуку.
Тяжких страданий познал я науку.
Вот что такое разлука, разлука.

Край мой... О нем, дорогом и воспетом,
Сердце тоскует зимою и летом.
Песню мою озаряет он светом...
Мучает сердце разлука, разлука.

КАЖЕТСЯ

Петля нужды сдавила людям горло.
Мне трудно говорить, стих не вяжется.
Будь проклят мир... В груди дыханье сперло.
Земля мне сморщенной ладонью кажется.

Когда джигит не омрачен кручиной,
Ему подстать скакун с повадкой львиной.
А мне — и виноградник паутиной,
И поле зарослью колючей кажется.

Муллы в молитвах богу неустанны,
В руках ишанов пухлые кораны,
А мне муллы и шейхи, и ишаны
Похожими на всех шайтанов кажутся.

На свете стало сумрачно и тесно.
Куда ведут дороги? Неизвестно.
Я в прошлое гляжу, но бесполезно,
И прошлое мне тоже темным кажется.

Жизнь бедняка труднее год от года,
Он стонет от чиновника-урода,
Муллы и ханы — палачи народа...
Все богачи мне пауками кажутся.

Сегодня что я вижу под луною?
Я — нищ, и нищие передо мною.
И лица их покрыты желтизною...
Мне эта жизнь несправедливой кажется.

О, если б тучам в небе расступиться,
О, если б крылья, чтоб взлететь, как птица.

Но нет... Мне счастье даже и не снится,
И мрачный день мне бесконечным кажется.

На жизнь взгляните трезвыми глазами.
Неправда и жестокость правят нами.
Чем эта тьма, уж лучше адский пламень,
Мне этот мир тюрьме подобным кажется.

Нет правды в сердце у царя и бека,
Нет счастья у простого человека.
Тот мир, где я влачу остаток века,
Несправедливым мне и лживым кажется.

Бердымурат, ищи для песни слова,
Проникни в тайны бытия земного.
Где вы, надежды и мечты былого?
Мне этот мир листком увядшим кажется.

Будь проклят мир, где стража есаула,
Храня покой правителей аула,
На недовольных направляет дула...
Мне наша жизнь туманом черным кажется.

Для бедных время тяжкое настало,
От горя сердце у меня увяло,
И жизнь моя мне с самого начала,
Где б ни жил я, плохой и тесной кажется.

Страдаем мы. Извилиста дорога.
Свободы не дожидаться нам от бога.
Осталось в жизни дней моих немного.
Вот эти дни последними мне кажутся.

В селеньях наших — холод и разруха.
И голоден бедняк, и счастье глухо.
Бездельник бай наращивает брюхо,
Но брюхо скоро лопнет — так мне кажется.

Бердымурат, послушайся совета —
Не всем по нраву будет песня эта,
Жестокие тебя сживут со света,
Тебя согнут — и очень скоро, кажется.

НЕ ПОСМОТРИТ

В бедности, в горе погибнет душа
Родич богатый не даст ни гроша.
Что ему: жизнь у него хороша.
Он на тебя, бедняка, не посмотрит.

Нет ничего за душой у меня.
Надо мне ехать, а нету коня.
Целый табун у родни, но родня
На бедняка на меня не посмотрит.

Если в работе не знаешь ты сна,
Если кибитка бедна и тесна,
Если в хранилище нету зерна,
Родич плохой на тебя не посмотрит.

Нету лепешки и нет молока.
Жарко, а дыни у нас — ни куска.
У богатея бахча велика,
Но богатея на тебя не посмотрит.

Если на свете тебе не везло,
Если болезнь подкралась, как назло,

Если от голода брюхо свело,
Тот, кто богат, на тебя не посмотрит.

Если ты беден, а родич богат,
Вечно ты будешь пред ним виноват.
Встрече с тобою богатый не рад,
Мимо пройдет — на тебя не посмотрит.

Если продрались твои башмаки,
Полы халата твои коротки,
Горе тебя разорвет на куски,
Но богатей на тебя не посмотрит.

Людам богатым — и власть, и почет,
Бедным — бесправье и горечь навзгод.
Вечно богатство к богатым течет,
На бедняков никогда не посмотрит.

ТЫ ПОГЛЯДЕЛ БЫ НА СЕБЯ

Ты хрюкаешь — не говоришь.
Глазами узкими косишь,
Твой нос напоминает шиш,
Ты поглядел бы на себя.

Но ты доволен сам собой,
Трясешь ты лысой головой,
Кривишь в усмешке рот кривой,
Ты поглядел бы на себя.

А на красавиц — смех и грех —
Ты смотришь, будто лучше всех.

Ты сам-то веришь ли в успех?
Ты поглядел бы на себя.

Хоть уши — каждое лопух,
Но ты изрядно тугоух.
Сказать точней, к добру ты глух,
Ты посмотрел бы на себя.

Твой подбородок — огород,
Где сорная трава растет.
Рот шире собственных ворот.
Ты поглядел бы на себя.

Жрут богачи: ты их дружок.
Ты развалился, как мешок.
Усы — щетина, нос — крючок.
Ты поглядел бы на себя.

Напрасно ты, глупец рябой,
Всех сватаешь наперебой.
Смеются люди над тобой.
Ты поглядел бы на себя.

Болтать и врать, тут ты хорош.
Вот тут ты мастер — ловко врешь,
Любого за пояс заткнешь,
Ты поглядел бы на себя.

Начнешь ты петь — напрасный труд.
Из горла звуки не идут.
А только слюни с губ текут,
Ты поглядел бы на себя.

Ты тем гордишься, что богат.
Ты баев — друг, я нищих — брат.
Но я счастливей во сто крат.
Ты поглядел бы на себя.

НА ТОЕ

Был пир большой в один из дней.
Был плов для тех, кто познатней.
А тех людей, что победней,
Нежирной кашей угостили.

Тем, шея у кого толста,
Достались лучшие места.
Для баев десять туш скота
Освеживали и сварили.

А мы прождали до утра.
Мы голодали у костра.
Как только крикнули: «Пора» —
Мы тут же к делу приступили.

Но каша нам пошла не впрок.
Кулым, сосед мой, рот обжег.
Он успокоиться не мог:
Ему обиду причинили.

Он закричал, что было сил,
По блюду стукнул, все разлил,
Тряхнув кого-то, с ног свалил,
И мы его не пристыдили.

Хозяин скрягой был из скряг.
Гостей он принял, как собак.
И в каше было все не так,
И маловато наложили.

А наперед хозяин, знай,
Коль скуп, людей не приглашай.
Будь трижды проклят, Кулман-бай,
Характер твой мы раскусили.

МОЯ ЖИЗНЬ

Подлунный мир и сумрачен, и дик.
Родившись на земле, что я постиг?
Быть может, за единый счастья миг
Тебя я всю бы отдал, жизнь моя.

К вам, люди, обращаю я слова.
Моя седую стала голова.
Свои бутоны распустив едва,
В пустых мечтах увяла жизнь моя.

Я в этом мире видел много зла.
Моя дорога трудною была.
Зову я жизнь, а жизнь уже прошла,
О, как ты быстротечна, жизнь моя.

Сегодня стих я посвящаю свой
Моим друзьям, моей земле родной.
И о тебе, хорошей иль плохой,
Я расскажу сегодня, жизнь моя.

Мне кажется, что я, Бердымурат,
Был мальчиком лет сто тому назад.
Был светлым и цветущим детства сад.
Вы помните об этом, дни мои.

Слетала песня с материнских губ,
Шатался первый мой молочный зуб,
Тогда никто со мною не был груб.
Тогда меня ласкали дни мои.

Стал в десять лет коран я изучать,
Но ничего я в нем не мог понять.
Я плакал, и меня жалела мать.
Труднее становились дни мои.

Я жаловался богу. Отчего
Непостижимы истины его?
В те годы, в пору детства моего
Лишь это омрчало дни мои.

Я становился старше и сильней.
Звенел поток моих счастливых дней.
Беспечно я играл в кругу детей,
В забавах проходили дни мои.

Пятнадцать лет. И скрывшись с глаз родни,
Со сверстницами проводил я дни.
Беспечные, веселые они
Являлись и кружили дни мои.

Но скапливалась боль в моей груди.
В семнадцать лет сказал я: «Погоди,
Оставь забавы — юность позади».
И потекли в заботах дни мои.

Я взрослым стал. Как весь голодный люд
Тащил я ношу — молодой верблюд.
Мне был по силам этот тяжкий труд.
Мне было двадцать в эти дни мои.

Мне ноги жег песок: день ото дня
Я чувствовал больней, что у меня
Ни чина, ни скота, ни кетменя —
Нет ничего. Есть только дни мои.

Случилось так, что в юности своей
Средь сверстников я не обрел друзей.
Без помощи (я не мечтал о ней)
Тянулись одиноко дни мои.

Сейчас, когда я в прошлое гляжу,
Вдали я вижу старца Кунходжу...
Я вспомню все, я память разбужу,
Вы видели поэта, дни мои.

Моим словам внимал седой старик,
Учил меня, в мою он песню вник.
И сорок дней прошли, как светлый миг,
И были днями счастья дни мои.

Я трудно жил, я был, как вол в ярме,
И двадцать восемь лет минуло мне.
Я шел, мечтая о счастливом дне,
Но были беспросветны дни мои.

Пронзил мне сердце взгляд девичьих глаз.
Я так любил, как любят в первый раз.
Но бедняку нельзя любить у нас.
Прошли в тоске и эти дни мои.

У многих баев был я батраком,
Не щедрым пробавлялся я куском.
Мне песни приходилось петь тайком,
И эти песни пели дни мои.

Бердымурат, тебя не обмануть.
Ты был ли счастлив хоть когда-нибудь?
Да. Песнь моя нашла к народу путь,
И люди будут помнить дни мои.

Не жди, что двадцать лет придут опять,
Когда тебе уже за тридцать пять.
Об этом я и не хотел мечтать.
Безрадостно тянулись дни мои.

Эй, лживый мир, меня ты невзлюбил,
Мою дорогу жизни искривил.
Напрасно я потратил столько сил.
В мученьях проходили дни мои.

Ко мне судьбы безжалостна рука.
И сорок лет пришли издалека.
А между тридцатью и сорока
Так велико различье, дни мои.

Стареем мы — быстрее года летят.
Минуло сорок; стало пятьдесят.
И с грустью я, старик, смотрел назад,
Где прошлые остались дни мои.

Бегут года. И стал я стар и сед.
На жалобы мои кто даст ответ.
Мне — старику шестидесяти лет?
Печальны и смятенны дни мои.

Я видел много древних городов,
Кирпич их стен и зелень их садов,
Я поседел от горя и трудов...
Ужель к концу подходят дни мои?

О время счастья, пронеслось ли ты,
Или стою я у твоей черты,
Да нету сил достичь своей мечты:
Увял я, и увяли дни мои.

Бердымурат, последний миг лови.
Пока еще есть жизнь в твоей крови.
Ты стар и беден,— друга позови...
Я вижу: угасают дни мои.

Теперь уже на склоне бытия,
Встает передо мною жизнь моя.
Вот — мальчик, вот — двадцатилетний я,
И озаряют путь мой дни мои.

Я в жизни мало видел светлых дней.
В мой век ишаны мучили людей,
Страдал народ от ига богачей,
Борьбе со злом я отдал дни мои.

Не плачь, Бердах, учи людей, Бердах,
Пока еще не превратился в прах.
И скажут все: «Был свет в его словах»,
Когда уже померкнут дни мои.

Во мне дыханье теплится едва,
Моя поникнет скоро голова,
Но долго будут жить мои слова,
Когда уже погаснут дни мои.

Я стар. С несбывшимся желаньем я
Переселюсь в нездешние края.
Все тихо, затихает песнь моя.
Умчались безвозвратно дни мои.

Бердымурат — я сын земли своей,
В ее саду рожденный соловей.
Друзья, я в год «свиньи», на склоне дней,
Спел эту песнь. Прощайте, дни мои.

ЦАРЬ-САМОДУР

Поэма

Порой оглядывался я назад
И слушал то, что люди говорят,
Я, в даль прошедшего бросая взгляд,
Узнал о многих горестях земли.

Тот слезы лил о том, что одинок,
К тому входило горе на порог,
А многим и порога не дал бог,
Бездомные, брели они в пыли.

Одни сжигали душу на огне,
Другие тосковали в тишине,
А те, мечтая о счастливом дне,
Шли вдаль, им счастье виделось вдали.

И наполнялись злобою сердца,
Боль превращала тихого в борца,
Шли бедняки, чтоб драться до конца,
Когда терпеть обиды не могли.

Тираны их не слушали речей,
И кровь текла, как по весне ручей.
Но люди, проклиная палачей,
Шли, не страшась ни плахи, ни петли.

С кровавыми слезами на глазах,
Они прошли, и не сгибал их страх,
И не хватало виселиц и плах,
Для них — для лучших сыновей земли.

Их лица покрывала желтизна,
Их речь порой бывала неслышна,
Земля их забывала имена,
И все-таки они на подвиг шли.

Бывали унижения и кнут
Наградой за подвиг их и труд.
Голодные, как весь бездольный люд,
Они по жизни горестной брели.

И были тяжкими лишения их,
Нужда, бесправье, униженья их,
Не иссякало лишь терпенье их,
Отчаянье и злоба их вели.

Столетия шли, а мир незыблем был,
Властитель беззакония вершил,
Раб выбивался из последних сил,
И ныне так среди жителей земли.

* * *

В крови и муках матерью рожден,
Я в мир пришел; был неприветлив он,
Я чувствовал едва ли не с пелен:
Сын бедняка, рожден я бедняком.

Я поглядел и в даль, и в вышину,
Я увидел обширную страну,
Где прозябал у горестей в плену
Тот, кто на свет родился бедняком.

Я с малолетства понял силу слов,
Весь день я слушать песни был готов,
Я вслушивался в речи стариков,
Порой открыто, а порой тайком.

Я видел горе в отчей стороне,
Я брел с тяжелой ношей на спине,
За слово правды попадало мне,
Страданье видел я и пел о нем.

Я понял: только в дружбе жизни суть,
Враги к друзьям мне преграждали путь,
Свободно не давали мне вздохнуть.
Несладким пробивался я куском.

Был дубом я, чьи ветви широки.
Срубили с дуба ветки и суки.
Мой корень не поили родники,
И стал я в поле чахлым тростником.

Кровь по щекам катилась вместо слез.
Я трудно жил, я горе перенес.
И вот я дожил до седых волос.
Боль в сердце у меня и в горле ком.

Я садом был — не полили его,
В саду не распустилось ничего.
Я, соловей народа своего,
Считался безголосым куликом.

Безжалостен был гнев моих поэм,
И то, что пел я, нравилось не всем.
Мне говорили: «Будь ты вовсе нем».
Мне приходилось песни петь тайком.

Я мучился, я слезы лил из глаз,
И все же в горький час и в светлый час
Брал каждый раз дутар я или саз
И пел о горе ближних и своем.

И стала голова моя бела,
Беззубый я, я весь сгорел дотла.
Оглядываюсь — молодость прошла,
Туман передо мной и мрак кругом.

В былые времена случилось мне
Бродить по акдарьинской стороне.
И от кого-то ночью в тишине
Услышал я историю одну.

Хоть я не знал, правдив ли тот рассказ,
Я вспоминал его десятки раз.
Сказать вам откровенно, и сейчас
Я им живу, я у него в плену.

Его обдумывал я много лет
И понимал, что плохо в нем, что нет.
Мне было пятьдесят, и стал я сед,
Когда решил: «Я свой дастан начну».

И той же ночью, помолясь творцу
И заколов последнюю овцу,
Как подобает зрелому певцу,
Я тронул пальцем чуткую струну.

За месяцем шел месяц, целый год,
Претерпевая тысячи невзгод,
Перелагал я ночи напролет
Услышанный рассказ про старину.

Я песнь свою вам отдаю на суд,
Пусть сказанные мной слова живут,
Когда и сам уж буду я не тут,
Переселясь в далекую страну.

Я в жизни все сносил: невзгоды, ложь,
Порою мне бывало невтерпеж,
Меня сжигали сотни мук, и все ж
Я пел, пою и жизни не кляню.

В моих сказаньях — боль невзгод и бед.
Мой друг, ты их оценишь или нет?
А может, вспомнят через много лет
Из песен, спетых мною, хоть одну.

А эта песнь, плоха иль хороша,—
Не знаю сам, но в ней — моя душа.
Я жил, лишь этой песнею дыша,
Я в этой песне вас не обману.

Найдете в ней ошибку — виноват.
Но все-таки не хмурьте строго взгляд.
А вдумайтесь; итак, Бердымурат,
Я взял дутар, я свой дастан начну.

I

Владея множеством золотых палат,
Распространяя самовластья яд
И жизнь народов превращая в ад,
Прошло немало ханов под луной.

В былые времена один из них —
Великих повелителей земных,
В прах повергая всех врагов своих,
Прошел со славой долгий путь земной.

Была десница у него крепка,
Была его столица велика,
Средь кровью обгащенного песка
Она стояла гордо за стеной.

Но властелин не бог, хоть и велик,
И потому был смертен хан-старик.
Когда восьмидесяти лет достиг,
И он переселился в мир иной.

Он отошел, оставив ханский трон,
Земную славу и оружия звон.
Оставил сына и красавиц жен,
Не взяв туда с собою ни одной.

Счастливым сын остался сиротой.
(Свершилось то, что было лишь мечтой).
Взошел он на отцовский трон златой
И стал обширной управлять страной.

Хоть новый хан почти ребенок был,
В сравнении с ним отец ягненок был,
Жестоким юный хан с пеленок был,
Как знать, что было этому виной?

Визирь, чье сердце холодней, чем лед.
Нешадно грабил стонущий народ.
А хан (ему пошел двадцатый год)
Судил и правил за его спиной.

Когда-то юношу учил мулла,
Наука очень скучною была,
Она на пользу хану не пошла,
Ему был предначертан путь иной.

Великих ханов окрыляет власть,
Великих ханов опьяняет власть,
Наш хан познал еще другую страсть,
Он ею был охвачен, как шальной.

Желанье хана — для страны закон.
И верные гонцы со всех сторон
К нему в гарем сгоняли новых жен,
И забавлялся он с очередной.

Он свадебные задавал пиры,
Каких не знали прочие дворы
От сотворенья мира, с той поры,
Как появились ханы под луной.

Предпочитал он малолетних дев,
И радовался, юной овладев.
А девушка, познав позор и гнев,
Случалось, весь свой век была больной.

Через покои ханские прошли,
Красивейшие женщины земли
И все ж насытить хана не могли,
Не остывал его желанья зной.

По всей стране гонцов не меньше ста
Он разослал, сказав им: «Красота
Дороже крови, золота, скота,
Добудьте женщин мне любой ценой».

II

На берегу, где юрты не стоят,
Один рыбак жил много лет подряд.

Веревкой он подвязывал халат,
Во всем себе отказывал бедняк.

Жизнь не легка была, но хороша.
Поставил дом он вроде шалаша.
Сеть смастерил и плот из камыша,
И рыбой пробавлялся кое-как.

Он делу научился у отца,
По рыболовной части мудреца.
Стирая пот со своего лица,
На счастье сеть закидывал рыбак.

Весною рыба шла икру метать, —
На рыбака сходила благодать.
Не успевал он сети вынимать,
А в ней блестел сазан, блестел судак.

Но чаще так бывало у него:
Закинет сеть — не вынет ничего,
И, плача от бессилья своего,
Судьбину злую проклинал бедняк.

Был нищ рыбак, а все же был богат.
Веревкой он подвязывал халат.
Но у него был сокровенный клад.
Был дочерью своей богат рыбак.

И впрямь была красавицею дочь.
Пред нею тучи расступались прочь.
В безлунную, неласковую ночь
Ее краса рассеивала мрак.

Она была стройна и высока,
Была черноволоса и тонка.

Светился взгляд ее издалека,
Избраннику суля немало благ.

Ее улыбка расточала мед.
Ее улыбка расплавляла лед.
И руки белые, и нежный рот
Избраннику сулили много благ.

Но улыбалась изредка она.
Работала Гулим, не зная сна.
Жизнь этой девушки была трудна,
Как всякой, у кого отец бедняк.

Таких не озаряет счастья свет,
У них причины для веселья нет.
Когда минуло дочке десять лет,
Свою жену похоронил рыбак.

И без того жилось несладко им,
Но вот осталась сиротой Гулим,
Она над горем плакала своим
И не могла наплакаться никак.

На берегу так плакала она,
Что вся вода от берега до дна
От слез девичьих стала солоня...
Над бедною Гулим сгущался мрак.

* * *

И стали жить рыбак и дочь одни.
Верней, не жили, мучились они.
В нужде, в заботе пролетали дни.
Гулим росла, как полевой цветок.

Отец-кормилец, волею судеб,
Однажды занедужил и ослеп.
Рыбачить, добывать насущный хлеб
Слепой рыбак теперь уже не мог.

Старик сидел беспомощен и тих,
Касаясь глаз невидящих своих.
А дочь работать стала за двоих,
Не покладая рук, сбиваясь с ног.

Старик был слеп, он путал день и ночь.
Старик жалел единственную дочь,
Но, немощный, чем мог он ей помочь.
Он лишь молился: «О великий бог,

Гулим,— она и дочь моя, и сын,—
На всей земле одна, и я один.
О боже, наш всесильный властелин,
Не посылай к нам горе на порог.

Дочь у меня и больше нет детей.
Пошли удачу дочери моей,
Пусть потечет к ней золота ручей,
Ужель для счастья нету к нам дорог?

О господи, меня лишил ты глаз,
Мою мольбу услышь ты хоть сейчас».
Так он молился в день по многу раз,
Рыдал, просил, а что еще он мог?

А дочь его должна была успеть
Испечь лепешки и закинуть сеть.
За стариком незрячим приглядеть
И накормить его, и вымыть в срок.

Хватало дел, то снасть нехороша,
То прохудилась крыша шалаша.
Ее чинила девушка, спеша,
Чтобы старик в ненастье не промок.

Дочь почитала слабого отца,
В жару стирала пот с его лица.
Она была очами для слепца.
Он без нее и вовсе б занемог.

Незрячий, никуда он не ходил.
Лишь на одно ему хватало сил —
Сидел старик, весь день веревки вил,
Веревки эти сматывал в клубок.

Гулим была красива и чиста.
О ней ходила слава неспроста.
Но если счастья нет, то красота
И та несчастной девушке не впрок.

Посланцам хана — воинам лихим
Известно стало о красе Гулим.
И вот уже они путем глухим
Проникли на далекий островок.

В глухом краю скрыт от людей шалаш.
Безлюдье — вот его надежный страж.
Гулим твердила: «Кто отыщет наш
Пустынный остров, нет сюда дорог!»

III

Ни шороха вокруг, ни ветерка.
Покой и сон в жилище рыбака.

Так только кажется издалека, —
Обманчивы покой и тишина.

Покоя нет, не спит рыбак слепой.
Он, подпирая голову рукой,
Вымаливает счастье и покой.
Молитва у него всегда одна.

От старика, немного в стороне,
Лежит Гулим, свернувшись на рядне,
И что-то шепчет, мечется во сне.
Тревожна, как река, как снег бледна.

А в это время ханские послы,
Не очень расторопны и смелы,
Бредут во тьме, как вьючные ослы.
Усталы, злы, а цель им не видна.

В жилище рыбака не ждут врагов.
Ни брани их не слышат, ни шагов.
Гулим, бедняжка, после дня трудов
Лежит, заботами утомлена.

И видится ей сон: змея ползет,
К ее губам свой страшный тянет рот.
Сперва целует, после кровь сосет.
Гулим бессильна, а змея сильна.

Вкруг шеи обвивается она.
Гулим кричит, пытается она
Бежать, но спотыкается она,
И в страхе просыпается она.

Отец не спал всю ночь, молился он,
Он слышал крики дочери и стон.

«Гулим, какой тебе приснился сон,
Тяжелый сон, тебя лишивший сна?»

В глаза мои слепые погляди,
Все расскажи, меня ты не щади!»
И в час ночной, припав к его груди,
О страшном сне поведала она.

Тогда заплакал и отец седой,
Затряс своею белой бородой:
«Коль сон к беде, пред этую бедой
Бессильны мы с тобою, ночь темна!»

И дочери седой отец в слезах
Сказал: «Как видно, не напрасен страх,
Не услышал моей мольбы аллах.
Туманна книга судеб и темна.

Я хил и слеп, я старый человек.
И в волосах моих холодный снег.
Дни сочтены и короток мой век,
И скоро ты останешься одна.

Я слезы лью, я не смыкаю глаз.
О боже мой, убей меня сейчас.
Не дай услышать мне хотя бы раз,
Что дочь моя Гулим оскорблена.

Мне тоже снился сон не так давно:
«Охотник, чье лицо исщерблено,
Поставил в час, когда в лесу темно,
Ловушку, что из ниток сплетена.

И сокол мой попал в его силок.
Как ни пытался ловчий, все ж не мог

Надеть на очи птицы колпачок.
Слетала прочь стальная пелена.

Охотнику с добычей не везло.
Добыча вырывалась, как на зло.
И кровь с груди стекала на крыло,
И голова была разможжена.

В отчаянье предсмертном и тоске
Бедняжка-птица билась в злой руке
И после распласталась на песке:
Она была на смерть обречена».

...Казалось, горю не было конца,
Но стала дочка утешать отца.
Стирала слезы с дряблого лица,
Была она с ним ласкова, нежна.

«Не плачь, отец, мы вынесем с тобой
Все то, что предназначено судьбой.
И встретим мы ее удар любой
И оба тверды будем, как стена.

И буду я всему наперекор
Всегда с тобой, отец, как до сих пор.
Я понесу тебя чрез гребни гор,
К тебе, отец, любовь моя сильна».

Касалась дочь отцовских щек рукой.
От слез ее, от нежности такой
Убогий старец обретал покой.
А ночь была безлунна и темна.

Кончалась ночь, когда со всех сторон
Раздался топот и оружия звон.
Беда явилась к ним: проклятый сон
Не обманул красавицу Гулим.

Испуганна и, как стена, бледна,
Вскочила тут же на ноги она.
Старик-отец очнулся ото сна.
Беда стучится в дверь. Что делать им?

Услышав топот за дверьми и крик,
Рыбак несчастный головой поник.
Что может сделать немощный старик?
А он еще к тому же был слепым.

А стражники, все на пути круша,
Кричали громко возле шалаша:
«Э-эй, живая есть ли здесь душа?
Кто выйдет к нам, тот будет невредим».

Но в шалаше никто не отвечал.
А что шалаш? Не крепость между скал,
Не выдержал осады и упал
Шалаш, построенный с трудом большим.

Кто к ним пришел, что делалось вокруг,
Гулим, бедняжка, поняла не вдруг.
Но потянулись к ней три пары рук:
«Пойдем, мы зла тебе не причиним».

И заблестел огнем девичий взор,
В ней вспыхнул гнев, дремавший до сих пор.

Она очнулась и, схватив топор,
Пошла навстречу недругам своим.

«Кто вас послал, что надо вам от нас?
Что привело сюда вас в этот час?»
Так воинам, меча огонь из глаз,
Промолвила красавица Гулим.

Один из них испуганно сказал:
«Великий хан нас в дом к тебе послал.
Красавица, чьи губы словно лал,
Не бойся нас, тебя мы не съедим.

К властителю во сне явилась ты,
Властителю во сне приснилась ты,
И мы хотим, чтоб согласилась ты
Предстать пред повелителем своим.

Тобою покорен великий хан.
Он изнывает от сердечных ран.
Пусть он скорее твой обнимет стан,
Чтоб улетел его печали дым».

Был голос девушки суров и глух.
Она сказала: «Дети потаскух,
Старик-отец мой слеп, но он не глух,
Зачем меня позорите пред ним?

Что я свершила, в чем моя вина?
На свете я красива не одна.
И если вам красавица нужна,
Вы обратитесь к девушкам другим».

От этих слов взъярились палачи
И вынули сверкнувшие мечи.

И крикнули: «Презренная, молчи,
Иль по-другому мы заговорим».

Гулим глядела на врагов в упор,
Решив, что гибель лучше, чем позор.
И грозно занесла она топор,
И обожгла пришельцев взглядом злым.

Так страшен был ее безумный взгляд,
Что войны отпрянули назад.
А девушка кого-то наугад
Ударила оружием своим.

Один пришелец побелел, как мел,
Один пришелец ахнуть не успел.
Он кровью захлебнулся и осел
И на земле остался недвижим.

Их было трое воинов лихих,
Убить Гулим хватило б сил у них,
Но хан красавиц требовал живых.
Задумались гонцы: «Что делать им?»

Они уйти решили, а пока
Ударили слепого рыбака
И, уходя, уже издалека,
Слова проклятья бросили Гулим.

Как птица возле слабого птенца,
Гулим склонилась около отца.
Она обтерла кровь с его лица,
И причитала, плакала над ним.

Ни звона пик, ни топота коней.
Прошло с той ночи шесть ночей и дней,
Гулим решила: хан забыл о ней,
Но хан опять послал своих людей.

На этот раз так много их пришло,
Что стало ночью от мечей светло.
На девушке они срывали зло,
Ее старались мучить побольней.

Они ремнем связали руки ей.
Смеялись, причиняли муки ей.
Они не дали в миг разлуки ей
С отцом проститься — с радостью своей.

Пред тем как выйти в путь, два молодца,
Чьи руки были тяжелей свинца,
Избили слабого ее отца:
Пусть не забудет до скончанья дней.

Связали и оставили его
На острове пустынном одного.
Смеялись молодцы, мол, ничего,
Коль не помрет, так станет поумней.

Прощалась с телом немощным душа,
Больной старик лежал едва дыша.
Лишился он всего: и шалаша,
И снасти, и любимицы своей.

Теперь Гулим никто помочь не мог.
Ее вели босую без дорог.

Был путь далек, песок ей ноги жег,
И были колки острия камней.

В столицу прибыл мрачный караван,
И палачи (как повелел им хан)
Швырнули грубо пленницу в зиндан
И удалились, позабыв о ней.

Гулим была в темнице не одна,
Красавица, такая ж, как она,
В одеждах порванных, лицом бледна
Томилаась там уже немало дней.

Была темница их темна, сыра.
Гулим сказала: «Боль моя остра:
Но в чем, скажи, твоя вина, сестра,
Или она сродни вине моей?»

Та отвечала: «О моей вине
Не слушать бы тебе, не думать мне.
Хан повелел искать по всей стране
Таких, как мы, таких, кто постройней.

Коварен хан, и тяжело нам всем
Страданье пало на голову тем,
Кто не лишился головы совсем,
Кого он не отправил в мир теней.

Нас было трое: я, старик-отец
И мать. Но вот к нам прискакал гонец.
Он взял меня с собою во дворец,
И это было гибелью моей.

Мне хан сказал: «Ты приглянулась мне.
Ты молода, но расцвела вполне.

Как верной полагается жене,
Ты обними меня, но поскорей».

Тиран хотел услышать мой ответ.
А предо мной померкнул белый свет.
Я стала плакать: «Мне тринадцать лет.
Великий хан, меня ты пожалей.

Но властелин наш злобен и горяч.
Не помогли мне ни мольбы, ни плач.
Хан подал знак, и прибежал палач
И множество каких-то злых людей.

Дня через три, а может, через пять
Хан умертвил моих отца и мать.
Они пришли о дочери узнать
Да угодили в руки палачей.

Хотя увял и навсегда поблѣк
Мой дорогой, девичий мой цветок,
Я хану отомстить дала зарок,
Могила мне проклятых ласк милей.

Когда меня ввели к нему опять.
Я знала, что тирану отвечать.
Я мстила хану за отца и мать...
И вот я здесь страдаю много дней.

Слезами я и кровью обольюсь.
Душа уйдет из тела, ну и пусть.
Пусть я умру, я смерти не боюсь.
Могила этой ямы не темней.

Пусть поскорей придет мой смертный час».
Она умолкла, кончив свой рассказ.

Тогда Гулим, стирая слезы с глаз,
Ей рассказала о судьбе своей.

Сливались слезы их — два ручейка —
В руке одной была другой рука.
Головками поникли два цветка,
Увядавшие по воле злых людей.

Но вдруг раздался шум: в темницу к ним
Явился страж, сверкая взглядом злым.
Он подошел, взял за руку Гулим,
Сказал: «Пойдем со мной да побыстрей».

* * *

Ее втолкнули в зал, где ханский трон,
Был хан ее красою ослеплен.
Сказал он: «Будешь первою из жен.
Ты мне ответь, согласна или нет?»

«Великий хан, я бы сказала «да»,
Но для любви я слишком молода.
Повремени немного и тогда,
Возможно, дам тебе другой ответ».

Вскочил, как обожженный, властелин
И подал знак взбешенный властелин.
Пришел палач, за ним еще один,
И стали страшный свой вершить совет.

С Гулим одежды сняли палачи,
Несчастную распяли палачи.
Пока Гулим держали палачи
Хан заслонил над нею белый свет.

Ей щеку оцарапал ханский ус,
Был горек ханский поцелуй на вкус
И на змеинный походил укус.
Казалось, от него защиты нет.

Казалось ей: она горит в огне.
Она кричала, словно в страшном сне.
Дрожь пробегала по ее спине.
Гулим кричала и впадала в бред.

Вот так пришел к ней первый миг любви.
Вдали не пели песен соловьи.
Она лежала на ковре в крови,
Без крови хан не достигал побед.

Она захла и лишилась сил.
Уже из жен ей кто-то саван шпил,
Уже ее, бедняжку, Азраил
Считал своей по множеству примет.

Был хан великий страстью опьянен,
Гулим считал он лучшею из жен.
Хан бесновался, клял табибов он
И собирал визирей на совет.

Но утром на четвертый день она,
Открыв глаза, очнулась ото сна.
И показалось ей, что ночь темна.
Хоть озарял лицо ей яркий свет.

Она, припомнив, что произошло,
Все поняла: над ней свершили зло.
Еще одно виденье ей пришло.
Возник ее отец — угрюм и сед.

Гулим решила: «Мой увял цветок:
Потерянного не воротит бог.
Но мой отец в беде, он одинок,
И я должна спасти его от бед».

* * *

К властителю Гулим, бела, как мел,
Пришла сама. На троне хан сидел,
Но, оторвавшись от великих дел,
Красавицу спросил он: «Что с тобою».

«Великий хан, ты пролил кровь мою,
Я ослабела, я едва стою,
Но то, что думаю, не утаю,
Перед тобою ничего не скрою.

Гордилась я своею чистотой.
Ты на моей крови устроил той.
Не пожалел ты жизни молодой,
И всех моих несчастий ты виною.

Ты, властелин, и силен, и жесток.
Ты надо мною надругаться мог.
Ты грубо смял девичий мой цветок,
На миг моей пленившись красотой.

Я как-то видела змею во сне.
И вот не в полуночной тишине,
А наяву она явилась мне —
Ты оказался черною змеею.

Я стала и несчастной, и больной.
За боль, за все, что сделал ты со мной,

Прошу тебя о милости одной,
Исполни — стану я твоей женою.

Есть островок, где люди не живут,
Там мой отец. Пусть стражники пойдут,
Освободят его от крепких пут,
Чтоб рядом был он с дочерью родною».

Промолвил грозный хан: «Да будет так.
Найдите старика, — он подал знак, —
Над головой твоей рассею мрак.
Твою исполню просьбу, бог с тобою»

Для ждущих длинен день и ночь длинна.
Гулим ждала, но вот отца она
Увидела. И звезды, и луна
В счастливый час зажглись над головою.

Они соединились наконец:
Дочь оскорбленная, слепой отец.
И горечь двух обиженных сердец,
Как прежде, стала горечью одною.

И всемогущий хан был тоже рад.
Свершен был вскоре свадебный обряд.
И пировали сорок дней подряд —
Таких пиров не знали под луною.

Гулим навек владыке отдана.
Была у хана не одна жена.
С Гулим их стало сорок и одна.
Гулим была последнею женою.

Была у хана лишь одна беда:
Отцом владыка не был никогда.
Текли года, как вешняя вода,
В отчаянье властитель приходил.

Тиран пятидесяти лет достиг,
И пожелтел его суровый лик.
Хан от печали головой поник,
И был ему весь белый свет не мил.

Свое пред кем я сердце отопру?—
Владыка думал.— Кто, когда умру —
Наследник будет моему добру,
Слезу прольет у дедовских могил?

Как получилось, о великий бог,
Что ты мне сына даровать не мог.
Ужель всегда я буду одинок,
За что меня ты радости лишил?

Вот я достиг пятидесяти лет.
Я смертен, я покину белый свет.
Кому оставлю все, коль сына нет? —
Так иногда владыка говорил.

«Из сотни дев я выбирал одну.
Средь ярких звезд предпочитал луну.
Калым сполна за каждую жену
Людскою кровью щедро я платил.

Где б ни был я, все повергал во прах.
В дремучих я охотился лесах.

Скакал на тонконогих скакунах
И на перчатках соколов носил.

Мой гнев был лют, кулак мой был тяжел.
Тот смертный, на кого бывал я зол,
На виселице смерть свою нашел,
И плакал тот, кого я невлюбил.

Найдется ли владыка под луной,
Который мог сравниться бы со мной.
Но короток до смерти путь земной.
И пропадет все то, что я скопил.

О, если (да поможет мне творец)
Сын у меня родится наконец,
Велю зарезать тысячу овец.
Чтоб знали все: я сына породил.

Но если не захочет бог помочь,
И кто-нибудь из жен родит мне дочь,
Велю убить и кости растолочь», —
Так хан, бывало, близким говорил.

«Родит жена мне сына, ту жену
В пух положу и шелком оберну,
А если дочь родит мне — проклянута,
И вновь мне станет белый свет не мил».

IV

Прошла зима и стали дни теплей.
Летели стаи уток и гусей.
И снег уже давно сошел с полей.
С озер сошел посеребранный лед.

Казалось, небо охватил пожар.
И землю от любви бросает в жар.
Казалось, что берет она дутар
И голосом бурливых рек поет.

В те дни, когда вокруг весна цвела,
Когда душа земли была светла,
Гулим отяжелела, понесла.
Упругим, твердым стал ее живот.

Был именем ребенок наречен
Задолго до того, как был рожден.
Гулим и остальные сорок жен
О нем молились ночи напролет.

Гулим была в волнение не одна.
Томились сорок и одна жена,
Как будто каждая родить должна
И только ждет, когда же срок придет.

Гулим была печальна и слаба.
Тревожила Гулим ее судьба.
Ведь даже радость бедного раба
И та порой в себе печаль несет.

Но вот одна жена из сорока
Сказала: «Да пошлет ей бог сынка.
Но тайну мы хранить должны пока,
Быть может, бог сыночка не пошлет.

Мы знаем все, каков наш старый хан.
Чуть что не так, он гневом обуян.
А если мальчик будет богом дан,
Тогда и скажем хану, пусть придет».

Вторая обратилась к остальным:
«От всех мы тайну нашу скрыть хотим,
Но если хан потребует Гулим,
Он не дитя, он сразу все поймет.

Обрадуется злой наш властелин,
Устроит той в честь будущих родин.
А если дочь родится, а не сын,
Хан и дитя, и мать его убьет.

Недавно хан провел со мною ночь.
Сказала я: «Бог да пошлет нам дочь».
Разгневался, меня прогнал он прочь,
Он был горяч, стал холодней, чем лед.

Давайте скажем, что Гулим больна,
Что с ханом быть больная не должна».
Так предложила всем одна жена.
«Твои слова,— сказали жены,— мед».

«Мы тайну скрыть должны — вот наша цель.
Гулим, тебя уложим мы в постель.
Лежи больною несколько недель.
Притворство от беды тебя спасет».

«Лежи до разрешения, Гулим.
Рассей свои сомнения, Гулим.
Устроим угощение, Гулим,
Все нужное Зару нам принесет».

Жил при гареме старичок Зару.
Носил он женам воду поутру,
Обмахивал их веером в жару,
Немало было у него забот.

Он ласков был, приветлив и умен,
Любили старика все сорок жен.
И благородный, благодарный он
Им преданно служил не первый год.

Они всегда делились с ним едой,
И радостью делились, и бедой.
И он, в тот край заброшенный судьбой,
Поведывал им тайны в свой черед.

Тайком овцу, что спрятали вчера,
Освеживал Зару́ в углу двора.
И пировали жены до утра,
Забыв совсем о том, что их гнетет.

Для жен веселой эта ночь была.
Зару давал им мясо из котла.
Баранина была сладка, бела,
Как говорят, сама просилась в рот.

И заклинанья жены, севши в ряд,
Шептали над Гулим (таков обряд),
Как старые обычаи велят,
Подарки клали на ее живот.

Шло время, день сменялся днем другим.
И не терпелось женам молодым.
Все слушали, как в животе Гулим
Стучится двадцатинедельный плод.

Сказали хану, что Гулим больна.
Но не болезнь — печаль была сильна.
О будущем тревожилась она,
Не зная, что ее ребенка ждет.

Хоть не болезнь была всему виной.
Но впрямь, казалась женщина больной,
Ее лицо покрылось желтизной,
Она ждала, когда же срок придет?

Она молилась: хоть бы поскорей.
А сорок жен, как сорок матерей,
Не отходили от ее дверей,
Ей песни пели, пищу клали в рот.

Семь месяцев прошло, пошел восьмой.
Рождают осенью, зачав зимой.
Уж скоро будут слезы или той —
Все сорок жен вели по пальцам счет.

Кто народится — дочка иль сынок,
Никто из жен предугадать не мог.
Но все молились: «Пощади нас, бог,
Не пожалей для нас своих щедрот».

Но долгожданные настали дни.
Без суеты излишней, без возни
Зару сказали: «Юрту натяни»,
Кошмою белой затянули вход.

А в юрте было вбито два кола,
На них вожжа натянута была,
Чтобы на ней роженица могла
Повиснуть и не повредить живот.

Гулим лежала в юрте, как в тюрьме,
Ее коса стелилась по кошме.
Зажав зубами стон свой в полутьме,
Старалась ноги вытянуть вперед.

Без стога, чтоб не выдать свой обман,
Рукой в ремень вцепилась Гулимжан.
А женщины ее сжимали стан,
Чтоб выходил быстрее из чрева плод.

Ребенок медленно и трудно шел.
Для нас, людей, и первый путь тяжел.
Душа Гулим кипела, как котел,
И сердце билось, как сазан об лед.

В таких мученьях (схватки длились ночь)
Могла на свет родиться только дочь.
И жены не могли Гулим помочь,
И кто ж от мук роженицу спасет?

Ребенок не спешил на белый свет.
Он как бы говорил: «Там счастья нет».
У вас и без меня немало бед,
А в чреве я не ведаю забот.

Зачем, скажи, меня рождаешь, мать?
Я не хочу родиться, чтоб страдать,
Не наслаждаться жизнью, а рыдать.
Никто меня от горя не спасет.

В ваш тесный мир войду я, как в тюрьму.
Не радуйтесь рождению моему.
Ни радости, ни счастья никому
Рождение мое не принесет».

Роженица впадала в забытье,
Все женщины боялись за нее...
И думали: «Ужель лицо свое
Бог от нее, безгрешной, отвернет?»

И жены в жертву принесли овец,
Заколот был упитанный телец.
И вот Гулим вздохнула, наконец,
И выступил на лбу холодный пот.

Ребенок вышел, а потом послед.
Дочь родилась. Верней не дочь, о нет,
А пери, излучающая свет,
Сопроводила плачем свой приход.

Рассматривая девочку в тиши,
Все жены ликовали от души.
Просили друг у друга суюнши,
Шептали: «Пусть ей счастье бог пошлет».

Очнулась обессиленная мать.
Свою кровинку стала целовать.
Гулим то улыбалась, то опять
Навзрыд рыдала: «Боже, что нас ждет?»

Но видя дочку, свет ее чела,
Мать все же удрученной не была:
«Да, я не сына, дочку родила,
Но пусть создатель счастье ей пошлет».

Все жены хана собрались в кружок.
Все девочке дарили кто что мог;
Та золотую брошь, та перстенок —
Пусть это все на счастье ей пойдет.

Кто говорит, что женщины слабы,
Что их совет — лишь слезы да мольбы?
Решали жены: что от злой судьбы,
От гнева хана девочку спасет.

Решили так: «Мы в помыслах чисты.
Завянут пусть у недругов цветы.
Пусть у друзей исполнятся мечты
И сад желаний пышно расцветет.

Пошлем мы хану радостную весть.
И у него, быть может, сердце есть.
И он вершить не станет злую месть.
И дело примет нужный оборот.

Ведь дочь его прекрасней, чем алмаз.
Она для сердца радость и для глаз.
Увидит дочку властелин хоть раз,
Забудет все, к груди ее прижмет.

Как он ни злобен, как ни грозен он,
Ее красою будет поражен». —
Так порешили дружно сорок жен
И думали, что верен их расчет.

А девочка спала, бела, нежна
Была, как пери, чудная она.
Шептали сорок и одна жена:
«Подобных в мире не было красот».

И если б не был слеп и не был глуп,
Свою забыл бы Зулейху Юсуп
Увидев очертанья этих губ,
Глаза и брови черные взлет.

Как дочь прекрасна, как лицом бела,
Глаза большие, хоть сама мала.
Пусть неба смертоносная стрела
В безгрешную в нее не попадет.

А рано утром, чуть забрезжил свет,
 Опять собрались жены на совет:
 Как сделать так, чтоб не накликать бед,
 И чтобы хан о дочери узнал.

Решили: хан усядется на трон
 И потекут к нему со всех сторон
 Те, кто обижен или оскорблен.
 Пусть в этот час Зару проникнет в зал.

Пусть скажет он, что вести хороши.
 Поздравит властелина от души
 И, поклонясь, попросит суюнши,
 Зару позвали, он на зов вбежал.

Тогда во всех подробностях ему
 Растолковали жены, что к чему.
 «Тебе мы доверяем одному,—
 Ты не прислужник наш, ты аксакал.

Коснись ты головою ханских ног,
 Пусть льется речь твоя, как сладкий сок.
 Ступай, наш вестник, да поможет бог.
 Аллах на счастье нам тебя послал».

И полы подвернув, и рукава,
 И подбирая нужные слова,
 Посланец во дворец проник сперва,
 Потом пробрался в пышный тронный зал.

Чело венчает шапка из бобра,
 На ворота узор из серебра...

По заведенным правилам с утра
Великий хан на троне восседал.

Угрюмое молчанье он хранил.
То он рукою белый ус крутил,
То щеки надувал, что было сил.
Великий хан на троне восседал.

То неподвижно он глядел вперед,
То озирал собравшийся народ.
То он зевал, прикрыв рукою рот.
Великий хан на троне восседал.

В просителей вперив недобрый взгляд,
Пред ним в халатах шелковых до пят
Визири, казии стояли в ряд.
Владыка молча грозный суд свершал.

А в стороне казнили бедняка.
Ему всадили в тело два крюка.
И кровь текла оттуда, где в бока
Остроконечный врезался металл.

Кровавый пот стекал с его чела,
Из глаз его не слезы — кровь текла.
Бедняга, посеревший, как зола,
Отца и мать с тоскою вспоминал.

Палач махал камчою не спеша,
Лениво кости пленника круша.
Прощалась с телом пленника душа,
Он изнемог. Палач и тот устал.

И поднялась камча еще раз пять.
Подумал пленник: «Что ему терять?»

Решился пленник путы разорвать,
Напрягся, застонал и разорвал.

Освобожденный пленник сторяча
Свалил ударом наземь палача,
Визиря стукнул со всего плеча,
И, ахнуть не успев, визир упал.

Освобожденный поднял острый меч
И начал им махать, рубить и сечь.
И чьи-то головы катились с плеч.
Отрубленных голов он не считал.

И кровь текла, как полая вода.
Визиря разбегались кто куда.
Властитель понял, что пришла беда,
И убежал трусливо, как шакал.

Несчастливого такого же, как он,
Кто тоже был безвинно обвинен
И тоже к смерти был приговорен,
Беглец освободил. Тот саблю взял.

И встали пленники спина к спине.
И стали сильными они вдвойне.
Они приперли стражников к стене
И пробежали через длинный зал.

Бежала стража, слуги вслед за ней,
А пленники вскочили на коней,
По крупам их стегнули посильней.
Где скрылись беглецы, никто не знал.

Вдогонку беглецам пустилась рать,
Чтоб их догнать, поймать и наказать,

«Лови! Держи!» — а их уж не видать,
Искали целый день, да след пропал.

Зару стоял, забившись в уголок,
Он порученья выполнить не мог.
Как только стихло все, со всех он ног,
Немедля в̄свояси побежал.

* * *

Сказали женщины: «Опасно ждать,
Хан может сам о дочери узнать.
Ты завтра же пойдѣ к нему опять
И начатое дело заверши.

Но ты, Зару, себя побереги,
Не забывай, что там кругом враги.
Ты сразу же обратно к нам беги,
Увидев, что дела нехороши.

И он пошел, шепча: «Спаси аллах...»
Да чувство дружбы в праведных сердцах
Сильней, чем разум, и сильней, чем страх,
Красивей, чем любой порыв души.

Был в это утро хан угрюм и зол.
Он о вчерашнем думал, глядя в пол,
Он ярости в себе не поборол...
Сумрачнолицый он сидел в тиши.

Не то, чтоб он жалел убитых слуг,
Ведь он на жалость был довольно туг.
Но помнил он вчерашний свой испуг.
Страх жил еще на дне его души.

Закутанные в саваны тела
Пока еще земля не приняла,
Склонился над убитыми мулла...
Зару предстал перед лицом паши.

Решил визирь, что жалобщик простой
Пришел к владыке с просьбою пустой.
Сказал визирь: «Куда ты прешь, постой,
Успеешь в преисподню, не спеши».

Зару перед владыкой пал во прах:
«Я с радостным известьем на устах
Пришел к тебе, великий падишах,
Дай за благую весть мне суюнши.

Ты был велик, но был в тебе изъян,
Ты был бездетен, о великий хан,
Теперь тебе ребенок богом дан.
Дай за благую весть мне суюнши.

Молился ты и слезы лил из глаз.
Просил дитя у бога каждый раз.
Твое дитя сверкает, как алмаз.
Дай за благую весть мне суюнши.

Всю жизнь была тоска твоя сильна.
Теперь, владыка, жизнь твоя полна,
Как пятнадцатидневная луна,
Дай за благую весть мне суюнши.

Ты ждал детей, ты плакал, что их нет.
Ты, мудрый хан, достиг преклонных лет.
Но дочка родилась на белый свет.
Дай за благую весть мне суюнши.

Хан весь побагровел (он был горяч):
«Ты суюнши получишь, но не плачь.
А ну, быстрее вестнику, палач,
Дай суюнши — все кости сокруши».

К бедняге подскочили палачи.
Пред ним мечи скрестили палачи.
Ремнем его скрутили палачи.
«Сейчас тебе дадим мы суюнши».

Бежала кровь, как с гор бежит поток.
Ему сдирали кожу рук и ног.
И пожалеть его никто не мог.
Услышать крик со дна его души.

Владыка ханства был в то утро лют,
Как старый разозлившийся верблюд:
«Презренный раб, пусть кровь твою прольют.
Какая весть, такой и суюнши».

Призвал к себе немедля хан-злодей
Коварнейшего из всех своих людей
И злобно молвил: «Девочку убей,
А жен, ее сокрывших, устраши.

Пусть та, что родила, сюда придет.
Ей вынем сердце и положим лед.
Пусть остальные знают наперед,
Что дочь — отрава для моей души».

Так хан сказал и грозный бросил взгляд.
И с толстых губ слуги закапал яд.
Для палача дороже всех награда
Безумие и злость его паши.

Два палача расправились с Зару,
Бедняга думал: «Я сейчас умру».
Он полз, изнемогая, по ковру
И оставлял на нем кровавый след.

Он долго полз. Он был в жару, в бреду.
А женщины, не зная про беду,
Смеясь играли с девочкой в саду,
На шейку одевали амулет.

Но вот вернулся к женам их посол.
Бедняга, он приполз, а не пришел.
Он окровавлен был и полугол,
И на вопросы лишь мычал в ответ.

И жены, чтобы жизнь Зару вернуть,
Ему обмыли спину, руки, грудь.
И бедный он, оправившись чуть-чуть,
Сказал им так: «Будь проклят этот свет.

Я хану говорил от всей души.
Я пел, как соловей поет в тиши.
Смотрите — получил я суюнши,
Наш хан не человек, в нем сердца нет.

Я рассказал, что, сжалившись, творец
Послал ему ребенка наконец.
Поздравил хана с тем, что он отец,
Но он не человек, в нем сердца нет.

С большим трудом добрался я сюда,
Предупредить, что вам грозит беда.

Упрячьте дочь, чтоб не нашли следа,
И отрицайте все — вот мой совет».

Сказали жены: «Всех перехитрим».
Они больную подняли Гулим
И обмотали полотном тугим
Ее живот, чтоб скрыть печальный след.

А девочку спрятали в тайник,
Куда не проникал ни солнца блик,
Ни щебет птицы, ни погони крик,
Где темнота спасет дитя от бед.

В саду ворота заперли на крюк
И отошли. Но вдруг раздался стук.
Явился самый злой из ханских слуг,
Он в сад вошел, а стражники вослед.

Он спросил, меча огонь из глаз:
«Которая здесь родила из вас?
Она должна тотчас (таков приказ)
Пред повелителем держать ответ».

Сказали женщины, потупив взгляд:
«Никто здесь не родил, о старший брат.
Мы просто шуточный вершим обряд,
Играем в то, чего в помине нет.

Вот как порой мы делаем шутя:
Мы все стоим, одна лежит, кряхтя,
Как будто бы рожает, и дитя
Вот-вот появится на белый свет.

О брат, коль есть сомненья, то пойди,
Все наши помещенья огляди,

И пусть нас ждут мученья впереди,
Коль мы сказали то, в чем правды нет».

И бессердечнейший из ханских слуг
Все самолично оглядел вокруг,
Работал он не покладая рук,
Но не заметил никаких примет.

Вернулся он к тому, кем послан был:
«Великий хан, не пожалел я сил,
Сам все проверил и установил,
Что девочка не рождена на свет.

Я посетил твоих прекрасных жен,
Оглядывал я их со всех сторон.
И потому я твердо убежден,
Что каждая пока что — пустоцвет.

А тот просивший суюнши бедняк,
Наверно, сумасшедший иль дурак.
Но, слава богу, он отделан так,
Что не забудет до скончанья лет».

Хан молвил: «Вот я думаю о чем:
Ты хитростью служи мне, как мечом.
Моим любимым будешь палачом,
Ты верен мне и помнишь свой обет.

Ты верно служишь мне и будешь впредь
За женами украдкою глядеть.
Будь похитрей, плети потоньше сеть.
Гляди, чтоб дочь не родилась на свет.

А если только обнаружишь ложь,
Дознание тотчас же произведешь.

А дочь родится — девочку убьешь,
В ней вижу я причину многих бед».

Палач сказал: «Я к женам проберусь».
Палач сказал: «Я в зренья превращусь.
Еще я покажу, на что гожусь,
Меня не проведут, я мудр, я сед».

* * *

Палач хитер, но женщины хитрей.
И все известно стало им скорей,
Чем соглядатай мрачный у дверей
Угрюмо встал с наружной стороны.

И в ту же ночь Зару, набравшись сил,
Без отлагательств к делу приступил.
Он уходил куда-то, приходил.
Он говорил: «Мы поспешить должны».

Он утешал Гулим: «Мы наш алмаз
Надежно скроем от досужих глаз.
Осталось мало времени у нас.
Мы стражников перехитрить должны.

В деяньях осторожность нам нужна.
Тогда опасность будет не страшна.
Стрелу в нас пустят — пролетит она,
Коль будем мы дружны и сплочены».

Под женским помещением был подвал.
Вернее, не подвал — огромный зал.
О нем никто не помнил иль не знал
За исключением одной жены.

И жены, сговорясь между собой,
Сошли под свод, дарованный судьбой,
Все вымыли, украсили резьбой,
Достали кошмы снежной белизны.

Трудились целый день и, наконец,
Подземный зал стал лучше, чем дворец:
Кругом ковры, по стенам изразец.
Светильник наверху светлей луны.

В уютном подземелье с потолка
Свисали вниз два золотых крюка.
И зыбка золоченая легка
Качалась плавно у одной стены.

И девочку, укутанную в пух,
Под шепот добровольных повитух
Перенесли в подвал, что слеп и глух,
Где палачи и стража не страшны.

Остались позади препоны все.
Вздохнули жены облегченно все.
На той большой собрались жены все,
И были яства сладки и жирны.

Достали жены шелковый платок,
Колечко завязали в узелок.
Сказали жены, в тесный сев кружок:
«Мы нашей дочке имя дать должны».

Гульзар — решили девочку назвать
За то, что дочь красивее, чем мать.
За то, что суждено и ей страдать.
Что ей тревожные приснятся сны.

Так девочку назвали неспроста.
Она ведь горемычна и чиста.
Гульзар, Гульзар, печаль и красота
В прозвании твоём заключены.

Ты для цветенья рождена. Но тут
Цветы скорее вянут, чем цветут.
Ты — птица, птицам петь здесь не дают.
Здесь на страданья все обречены.

... Пир продолжался, все — и млад, и стар
Желали счастья маленькой Гульзар.
Как в молодые годы, взяв дутар,
Зару коснулся пальцами струны.

Послушался дутар дрожащих рук,
И медленно потек за звуком звук.
Старик Зару играл, молчал и вдруг
Запел средь наступившей тишины.

Он, может, был любимей, чем отец
Для юных жен, попавших во дворец.
Он был отрадой бедных их сердец,
Они привыкли к старику давно.

Зару свои печали позабыл.
Он добровольно, не жалея сил,
И стражем девочки и нянькой был.
Он заменял ей нежного отца.

Он девочку заботливей, чем мать,
Качал, когда ей надо было спать,
А просыпалась, он качал опять,
Ей заменял и няньку, и отца.

Ни голода не знал он, ни нужды.
Пред ним лежали зрелые плоды,
Хлеб и кувшины полные воды,
За что старик благодарил творца.

Когда кругом стихало, в час ночной
Все жены к девочке своей родной
Спускались осторожно, по одной,
Под своды потаенного дворца.

И там глаза блестели — сорок пар —
Ласкали жены бедную Гульзар.
Свое тепло ей приносили в дар
И отдавали ей свои сердца.

Она светилась, словно огонек,
И оглашала смехом свой чертог.
Журчала, как растаявший снежок.
Она звенела звонче бубенца.

Была она красива и нежна.
Была светлей, чем солнце и луна.
И все же в подземелье желтизна
Уже коснулась нежного лица.

А время быстро движется, не ждет.
Со дня рожденья дочки минул год.
Стал у другой жены расти живот,
И ждали все счастливого конца.

Ни сорок жен, ни будущая мать
Не стали милости от хана ждать.
А женщину заставили лежать.
Все скрыли от властителя дворца.

За ней ходили все, как за Гулим.
Желали, чтоб ребенок был большим.
Чтоб был всегда здоров и невредим,
Чтоб стал потом мудрее мудреца.

Ей, как Гулим, старались все помочь.
Срок подошел, и вот однажды в ночь
Еще одна на свет явилась дочь.
И снова в жертву принесли тельца.

Зару, в подвале спрятанный в тиши,
Узнав об этом, рад был от души.
За весть благую дал он суюнши.
Смахнув слезинки с дряблого лица.

В гареме повторилось все опять.
Была счастливой молодая мать,
Ее все жены стали поздравлять,
Благодарить за милости творца.

И эта дочь (будь славен, божий дар)
Была еще красивей, чем Гульзар.
И дали имя девочке — Анар
За тихий нрав и красоту лица.

Обмытую руками повитух,
И эту дочку обернули в пух.
Теперь Зару стал нянчить сразу двух,
Им заменять и няньку, и отца.

VI

Минуло много лет и много бед.
Зару совсем стал немощен и сед.

Исполнилось Гульзар пятнадцать лет,
Тринадцать лет исполнилось Анар.

Они красивы были, но бледны.
«За что мы здесь весь век сидеть должны?
За что мы здесь во тьме заключены?»
От этих мыслей их бросало в жар.

И девочки однажды неспроста
Сказали старику: «Зару-ата,
Быть может, наша мысль глупа, пуста,
Но объясни нам, ты ведь мудр и стар.

Нам минуло уже немало лет,
А мы не знаем, есть ли в мире свет.
Проходит где-то жизнь, а нас там нет.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?

В тюрьме томимся мы, а жизнь вокруг,
К нам не доходит посторонний звук.
Живем мы здесь и нет у нас подруг.
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?»

Когда не помним, но давным-давно
Попали в подземелье мы, на дно.
За что, скажи, нам это суждено,
Зачем нам жизнь дана аллахом в дар?»

И вспомнил он все злоключенья их
С далеких лет, со дня рожденья их.
Про ханский гнев, про положенье их
Все рассказал он, не смягчил удар.

И стали плакать девушки навзрыд:
«Что ждет нас в жизни, что нам предстоит?»

Зару молчал: и сам он был убит.
И у него внутри пылал пожар.

И девушки сказали: «В царстве тьмы
Зачем от матерей родились мы?
Наш темный мир еще тесней тюрьмы.
Нас прячут, как украденный товар».

Пришла одна, потом другая мать,
Несчастных дочек стали утешать,
Чтоб их развеселить, Зару опять
Взял в ласковые руки свой дутар.

* * *

Спустились как-то до ночного сна
Вниз, к дочкам, сорок и одна жена.
Гульзар пошла навстречу им, она
Сказала: «Мы вас просим об одном.

Здесь, в подземелье, стосковались мы.
Позвольте выйти нам из этой тьмы,
Покинуть стены мрачные тюрьмы.
Мы погуляем и опять придем».

Гульзар сказала: «Бог нас сохранит,
А встретимся с отцом, отец простит.
В чем дочерей своих он обвинит,
За что осудит, заподозрит в чем?

Его согреет ласковый наш взгляд.
И сам он этой встрече будет рад.
Поймет он, что во многом виноват,
Когда ему расскажем обо всем».

Сказали жены: «Это их мечта.
Она хоть и опасна, но чиста».
И распахнулись тайные врата,
И вышли в город девушки вдвоем.

От красоты их стала даль светла,
И жители решили: ночь прошла,
И надо приниматься за дела,
Как бедным людям подобает днем.

И люди встали, отряхая сон,
И видят: мир не солнцем озарен,
Чудесной красотой двух юных жен.
Мир божий озарен по окоем.

И многие упали к их стопам,
Еще не веря собственным глазам,
И так сказали: «Прикажите нам,
Скажите слово, мы за вас умрем».

Все выбегали из своих ворот,
Стеной красавиц окружил народ.
И девушки вперед, вперед, вперед
Шли, пробираясь чрез толпу с трудом.

Дивились ими все — и млад, и стар.
«Кто вы? — спросили люди у Гульзар. —
Иль, может быть, аллах чудесный дар
Дал грешникам, чтобы отнять потом?»

И девушки сказали, наконец:
«Властитель ваш — наш истинный отец.
Мы только что покинули дворец,
Где много лет мы прожили тайком».

Тогда какой-то ловкий человек,
Чтоб милость хана обрести навек,
К властителю примчался и изрек:
«Свершилось чудо в городе твоём».

Владыка в сад явился, там Гульзар
Играла, пела, в руки взяв дутар.
И грел людей ее сердечный жар,
И озарялось светом все кругом.

Великий хан был чудом поражен.
Таких прекрасных он не видел жен.
И обомлел на миг, и замер он,
И весь греховным запылал огнем.

Заулыбались девушки: «Отец,
С тобой мы увидались, наконец».
Они излили боль своих сердец.
Все рассказали о пережитом.

Но хан не слушал дочерей своих,
Он к девушкам шагнул, он обнял их
И, не стыдясь ничуть людей чужих,
Гульзар, поникшей, приказал: «Пойдем».

Ее коснувшись, стал он, как шальной,
Он злобно закричал: «Пойдем со мной,
Не дочерью мне будешь, а женой,
Поговорить успеем и потом».

Гульзар сказала: «Вешай на столбе,
Не слушай стонов, не внемли мольбе,
Не буду все равно женой тебе
Я ни на этом свете, ни на том.

Чем быть женою своего отца,
Терпеть мне лучше муки без конца.
Под сводами подземного дворца
Мне лучше бы забыться вечным сном».

Тогда владыка крикнул палачам:
«Отдайте падаль не съеденье псам».
Что делал, вряд ли понимал он сам,
Тиран ужасен в гневе был своем.

Один из псов к ней подскочил и лег,
И, будто перед ними их щенок,
Псы ласково ее касались ног,
Кто мордою лохматой, кто хвостом.

Они скулили, но не как всегда,
А будто говорили: «Никогда
Наш род тебе не причинит вреда,
Пусть хана поразит небесный гром».

Не мог властитель гнева побороть.
Дитя родное, собственную плоть
Велел он мучить и плетью пороть,
И отвести в дремучий лес потом.

На руку намотав ее косу,
В лес потащили девушку-красу,
Избитую, оставили в лесу,
Чтоб зверь голодный съел ее живьем.

Старик Зару по милости небес
Схватил Анар и с ханских глаз исчез.
Они вдвоем помчались в дальний лес
По тропкам нелюдимым и глухим.

Они скрывались на лесном лугу,
У речки на забытом берегу.
И страшно было им попасть к врагу,
И страшно было им в лесу одним.

На самой дальней из лесных полян
Богатыри раскинули свой стан.
Те два, которых испугался хан
В дворцовом зале, в день родов Гулим.

Пятнадцать лет для них прошли не зря.
Огнем святого мщенья горя,
Сбирали силу два богатыря
И ныне войском обросли большим.

Богатырей узнал Зару-старик,
Увидел, побежал к ним напрямик,
Он обнял их, он к их губам приник,
Поведал обо всем друзьям своим.

В рассказах ночь прошла, а поутру
Пошел по лесу побродить Зару,
А там Гульзар, без памяти, в жару
Под деревом лежала вековым.

Избитая, она была без сил,
Зару ее лекарством напоил,

Он умирающую оживил,
Он был заботлив и неутомим.

И вскоре среди друзей в тени деревьев
Гульзар очнулась, боль преодолев,
И вместе с жизнью к ней вернулся гнев.
Любовь вселилась в сердце вслед за ним.

И старшему из беглецов Гульзар
И душу отдала, и сердце в дар.
А младшему понравилась Анар.
И дал Зару благословенье им.

Желали счастья им и долгих лет.
Всю ночь был пир, а чуть забрезжил свет,
Богатыри собрались на совет:
Как им расправиться с тираном злым.

И выступили воины в поход.
Шел вместе с ними весь простой народ.
Они достигли городских ворот.
Запыхал огонь и взвился дым.

И так сердца их были горячи,
Так стрелы метки и остры мечи,
Что стражники дворца и палачи
Иль удирали, иль сдавались им.

Со всех сторон был город окружен,
А вскоре и совсем освобожден,
Свободны стали сорок ханских жен,
Свободна сорок первая — Гулим.

Хан спал, не зная, что грядет беда,
Возмездья час и правого суда,

**Что гаснет яркая его звезда.
Пришли батыры, чтоб покончить с ним.**

**Они достигли цели, наконец,
Свершили, что хотели, наконец.
И мы дастан допели, наконец,
И тех, кто слушал нас, благодарим.**

КОММЕНТАРИИ

Азраил — ангел смерти.

Акдарья — правый рукав Амударьи.

Ажинияз (1824—1878) — каракалпакский поэт.

Анар — это имя означает гранат.

Аристотель (384—322) — великий древнегреческий философ, ученый.

Аул — поселок, кишлак, деревня.

Бедиль (1644—1721) — поэт и мыслитель Индии. Писал на фарси.

Бек, аталык — высокопоставленные чиновники.

Визир — министр.

Год «свиньи», «кабана» — название одного из двенадцати годов животного цикла летоисчисления народов Востока в прошлом. Двенадцатый год, в который, т. е. в 1899 г., Бердах написал произведение «Моя жизнь».

Дастан — эпос, поэма.

Дутар — двуструнный музыкальный инструмент.

Зиндан — темница, тюрьма.

Зулейха и Юсуп (Юсуф) — герои дастанов многих восточных поэтов.

Ишан, мулла, шейх — мусульманские служители культа.

Кази — судья.

Калым — выкуп за невесту.

Камча — нагайка.

Кошма — подстилка из сваленной шерсти.

Коран — священное писание мусульман.

Кунходжа (1799—1880) — каракалпакский поэт.

Лал — рубин.

Махтумкули — выдающийся туркменский поэт XVIII в.

Мураб (мираб) — лицо, ведающее распределением воды.

Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт.

Онбаши — десятник, начальник отряда из десяти человек.

Платон (428 или 427 — 348 или 347 гг. до н.э.) — древнегреческий философ.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Суюнши (суюнчи) — подарок за радостную весть.

Табиб — лекарь.

Той — праздник, пир.

Ургенч — ныне центр Хорезмской области.

Физули (1494—1556) — известный туркменский поэт.

Фирдоуси (934—1025) — великий таджикско-персидский поэт.

Хан — монарх (например, хивинский хан).

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

1. На обложке: Бердах среди жителей аула.
2. На фронтисписе: портрет Бердаха.
3. Избиение мирабом дехканина, вышедшего на очистку канала.
4. Невестка.
5. Дочь рыбака Гулим дает отпор посланцам царя-самодура.
6. Дочь рыбака Гулим, насильно приведенная к царю-самодуру.
7. Бегство двух джигитов, приговоренных к казни царем-самодуром.
8. Два бежавших из-под виселицы джигита встречаются со своими возлюбленными.

СОДЕРЖАНИЕ

Бердах — выдающийся поэт кара- калпакского народа	3
Для народа	7
Лучше	12
Не было	14
Налог	16
Лето придет ли?	17
Тяжкое время	19
Мои глаза	22
Я увижу	23
Мне нужны	24
Я искал	25
Невестка	28
Сын мой	30
Глупцом не будь	33
Мой бык	34
Разлука	35
Кажется	37
Не посмотрит	39
Ты поглядел бы на себя	40
На тое	42
Моя жизнь	43
Царь-самодур	49
Комментарии	104

Избранная лирика Востока

БЕРДАХ

Избранная лирика

ИБ № 4

**Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1984**

Редактор издательства *И. Исаева*

Худ. редактор *Г. Аксенов*

Техн. редактор *Г. Ломиворогова*

Корректор *А. Ионова*

Сдано в набор 17.12.83. Подписано в печать 23.03.84.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,1+7 вкл. Уч. изд. л. 4,31.
Тираж 355000. Заказ № 2548.
Цена на типографской бумаге — 65 коп.,
на мелованной бумаге — 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
700029, ГСП, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

Б56

Бердах.

Избранная лирика / [Сост.: М. Нурмухамедов; Ред. Б. Пармузин; Пер. с каракалп. Н. Гребнева] . -Т.: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1984. 112 стр. с илл. (Избр. лирика Востока).

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

С (Карак)